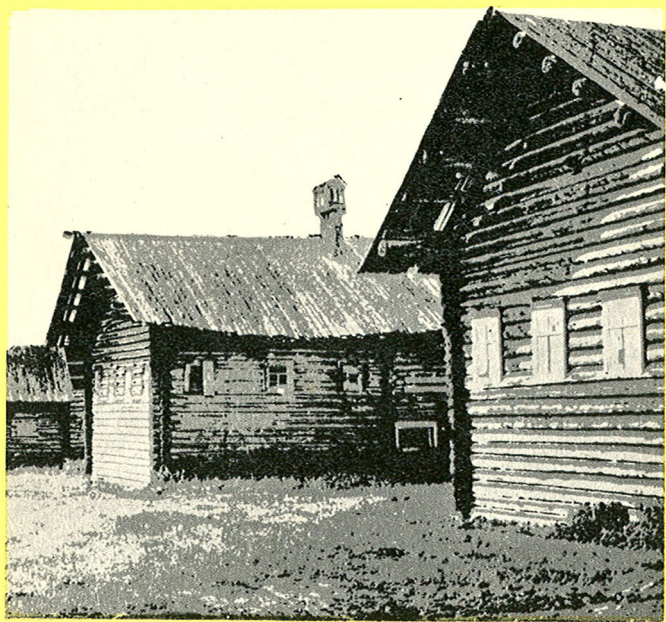
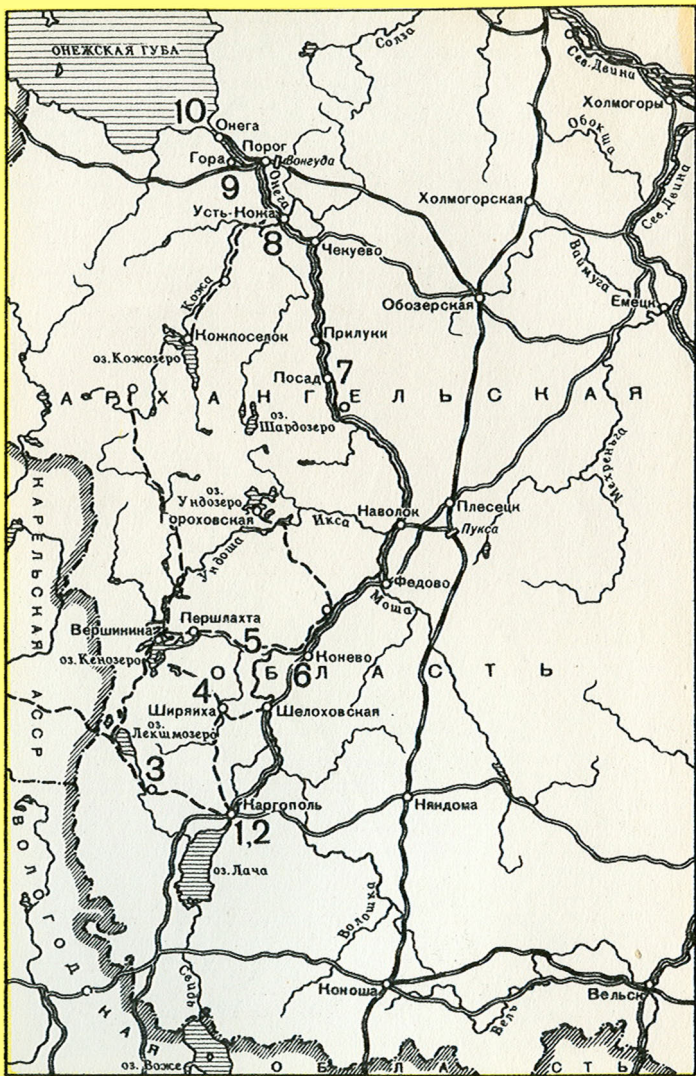

КАРГОПОЛЬЕ- ОНЕГА

1. Каргополь.
Христорождественский собор
1552—1562 гг.
2. Каргопольская глиняная
игрушка

3. Богоявленская церковь
1793 г. в селе Лядины
4. Курная изба XIX в.
в селе Ошевенское
(Ширяиха)

5. Деревня Кенорецкая.
Мост XVIII века
через реку Кену
6. Часовня XVIII в.
в селе Конево

7. Ансамбль села
Турчасово (Посад)
8. Усть-Кожа.
Погост при деревне
Макаринской XVII—XVIII вв.

9. Владимирская церковь
1757 г.
в селе Подпорожье (Гора)
10. Кий-остров.
Крестный монастырь XVII в.

72С1
Г94

80102-063
Г

229-73
025(01)-74

© Издательство «Искусство», 1974 г.

КАРГОПОЛЪЕ - ОНЕГА

Г. П. ГУНН

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1974

СОДЕРЖАНИЕ

От автора ————— 6

1. КАРГОПОЛЬ ————— 8

Облик города (8). Топонимические версии и ранняя история Каргополя (9). Христорождественский собор — символ богатства и славы торгового города (13). Храмовая икона XVI в. — образец ранних «северных писем» (15). События «смутного» времени (17). Расцвет строительства во второй половине XVII в. Богородицерождественская церковь (18). Каргопольское оконное узорочье. Благовещенская церковь — чудо «каменносечной хитрости» (19). Воскресенская церковь (24). Ансамбль Соборной площади (28). Церковь Троицкая и церковь Зосимы и Савватия «на горке» (33). Каргополь прошлого и настоящего (34).

2. Каргопольская глиняная игрушка ————— 36

В краеведческом музее (36). Каргопольская игрушка в прошлом. Архаические формы старой игрушки (37). Сказочные мотивы в творчестве У. И. Бабкиной (39). У мастера А. П. Шевелева. Как лепят игрушки (41).

3. Окрестности Каргополя ————— 45

Шатровое зодчество на Севере (45). Никольская церковь в селе Астафьево на реке Свида (46). Саунино (48). Большая Шалга (53). Каргопольская сушь. Красная Ляга (55). Ансамбль в селе Лядины. Покровско-Власьевская церковь (57). Художественные памятники из села Лядины (59). Жития местночтимых святых как исторический источник (60). Богоявленская церковь, ее уникальное крыльцо (61). Ошевенское. Александр-Ошевенский монастырь, его история, современный облик (66). Богоявленская церковь в деревне Погост (70). Оригинальная часовня в деревне Низ (71). Курная изба. Характер северного жилища (72). Дом Ушакова в Ширяхе. Украшение северных изб (74).

4. ВЕРХНЯЯ ОНЕГА _____ 76

Пороги (76). Село Волосово (77). Церкви села Архангело (80). Никольское — тихая деревенька над шумящим порогом (81). Церковь-часовня Архистратига Михаила (82). Типы часовенок по берегам Онеги (85). Большое село Конево: украшение домов, часовня XVIII века (85). Часовня в деревне Авдотьино (88). Бережная Дуброва: пейзаж, родниковое озеро, девятиглавая бережнодубровская церковь (89). Экскурсия в Приозерье: река Кена, мост древней конструкции, Кенозеро (92). Ансамбль на Почозере в деревне Филипповской (94). Кладбище и часовенка (96). Возвращение на Онегу. Трудности дальнейшего пути (97). Пустынька — деревня над Бирючевскими порогами. Емецкий волок и Ямецкая пустынь (98). Благовещенская церковь в Пустыньке — малоизвестный памятник деревянного зодчества (100). Исторический пейзаж (100).

5. НИЖНЯЯ ОНЕГА _____ 102

Начало судоходства по реке. «Городок Рогоним» (102). Село Турчасово и его история (102). На месте сгоревшей Благовещенской церкви (103). Преображенская церковь и колокольня (107). Архитектурный ансамбль села (110). Легенда о Прилуках (112). Пияла, Вознесенская церковь (112). Вазенцы. Ильинская церковь, копия более древней церкви (115). Мельничка-столбовка (118). Погибшие памятники села Чекуево (118). Путь на Верхнюю Мудьюгу. Ансамбль верхнемудьюжского погоста (120). Усть-Кожя. Кожский погост при деревне Макарьинское (123). Онега в нижнем течении (126). Владимирская церковь на Жеребцовой Горе (126).

6. КИЙ-ОСТРОВ _____ 129

Прошлое города Онеги (129). Вид Кий-острова: скалы и сосны (130). История основания Крестного монастыря патриархом Никоном (130). Архитектура монастыря (132). Другие достопримечательности острова (138). Прощание с северным краем (139).

От автора

«А толсты становицы
в Каргополе...»

Из былик

По установившейся традиции книги серии «Дороги к прекрасному» открываются авторским вступлением. Не избежать этой традиции и мне.

Так что же сказать вам, читатель?

Вряд ли Север нуждается в рекомендациях. Каждый год тысячи туристов, группами и в одиночку, стремятся в его просторы.

Что тянет их? Дали необъятные, тихие озера, порожистые реки, глушь лесная? Старина родная, свидетели давних времен, потемневшие бревна срубов?

Все вместе, наверное. Нет другого такого края во всей обширной русской земле, где так чудесно сочетались бы прекрасная первозданной красой природа и прекрасные творения народного зодчества, где на всем лежал бы такой налет поэзии.

Поэзия Севера — вот что тянет. Она и в природе, такой простой, но такой лиричной, и в шатрах деревянных церквушек, и в сказаниях народных.

Путь на Север — путь к поэзии, к подлинной красоте.

Север велик и необъятен — здесь Белозерский край и Обонежье, Подвинье и Поморье, Пинега и Мезень, Печорский край и множество других удивительных мест, и все они прекрасны и дороги для души.

Какой же путь избрать нам?

Некогда былинный сказитель, обозревая мысленным взором свой родной край, начал свою старину такой заповкой:

«Мхи были, болота в Поморской стране,
 А голые щелья в Беле-озере,
 А тая эта зябель в Подсеверной стране...
 А толсты становицы в Каргополе...»

«Становицы в Каргополе»... Так и видится семнадцатый век, деревянная стена города, могучие бревна частокола. Сказочный город оживает перед нами... Но город этот не сказка, не вымысел, он существует в действительности, хотя и полон сказочной прелести. Тем заманчивее его посетить.

Так думал автор, отправляясь в путешествие в Каргополь, а затем вниз по Онеге.

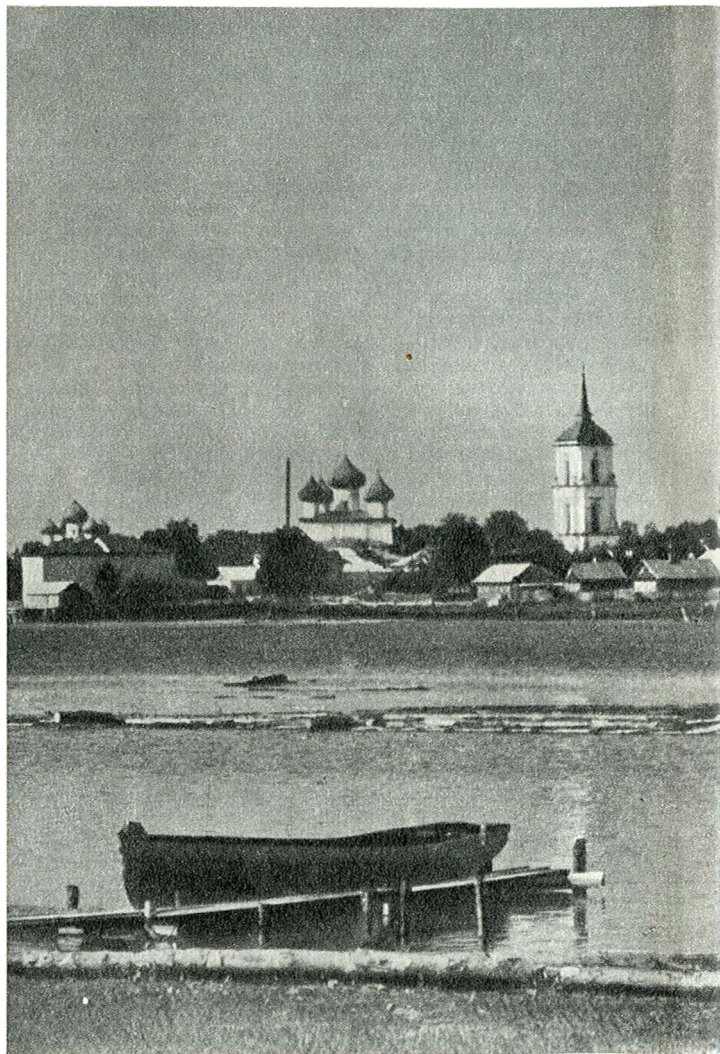
Так, может быть, решите и вы, читатель.

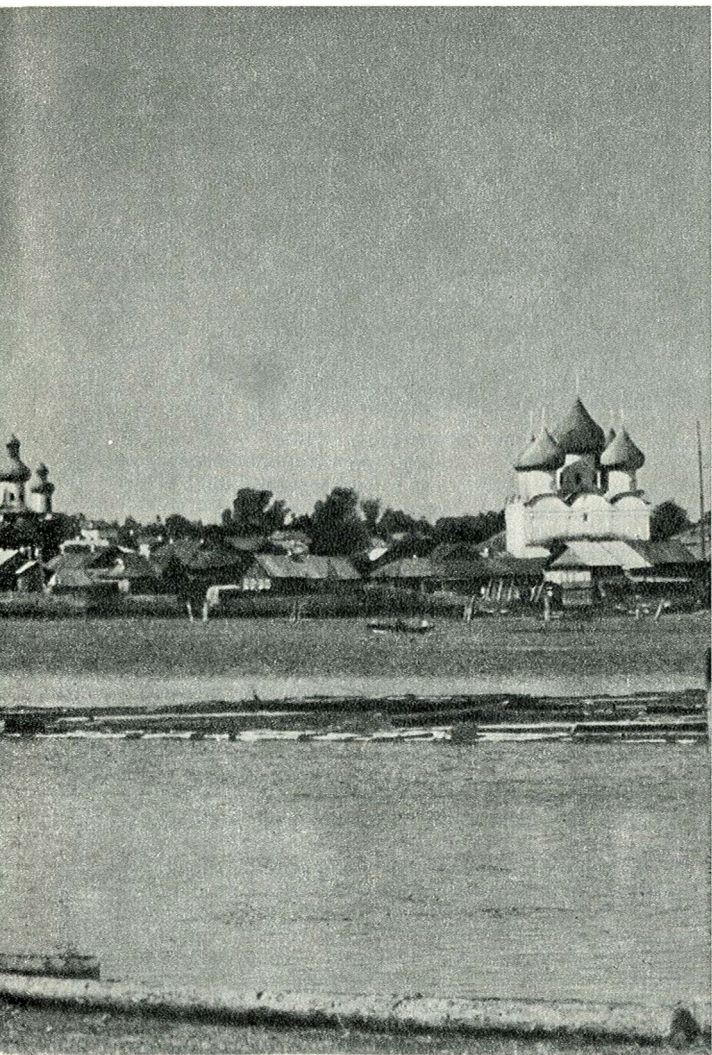
Онега, у истоков которой стоит Каргополь, сама по себе река небольшая, протяженностью в четыреста с небольшим километров. Промышленного значения, помимо лесосплава, она не имеет. Судоходству по всей реке, от истоков до моря, препятствуют пять гряд порогов, из которых три со значительным спадом... Впрочем, скурые географические сведения еще мало о чем говорят.

Нет на Севере более чудесной реки, чем Онега! Ни Двина, ни Пинега, ни Мезень не сравнятся с Онегой — ни по прихотливой красоте шумящих порогов и перекатов, ни по обилию прекрасных памятников народного зодчества по берегам ее и в ближних окрестностях. Онегу и прионежский край — Поонежье не назовешь иначе, как уникальным, единственным в своем роде местом по насыщенности первоклассными произведениями искусства. Не нужно никаких кропотливых поисков; следуя по течению реки, история русского деревянного зодчества сама непринужденно разворачивается перед вашим взором. Сама река ведет повествование, все просто и ясно, и сами памятники на берегах ее стоят не изолированно, не музейно, вырванными из привычных условий, а в их естественном окружении — среди деревенок, вод, лесов, лугов.

Чтобы увидеть все это, не требуется чрезмерных усилий. Нужны только страсть к путешествиям, искренний интерес к родной земле, и они помогут вам преодолеть все трудности и сложности пути, которые могут возникнуть.

Путь ваш к исходной точке нашего путешествия может быть разнообразным. Вы можете прилететь самолетом из Ленинграда или Архангельска. Вы можете доехать поездом до станции Няндома Северной железной дороги и пересесть на автобус, либо воспользоваться местным авиарейсом. Так или иначе вы попадете в Каргополь и увидите Онегу.

1. Каргополь

«Лучше самого губернского
города архангельского края
глядит первый по пути
олонецкий город Каргополь».

С. Максимов. Год на севере.

Приезжая в Каргополь, погружаешься в тихое очарование этого небольшого северного городка. Он как-то сразу, просто, но прочно входит в душу. Приятен его скромный, но такой понятный русский облик: широкая, полноводная река, по берегу которой живописной массой деревянных домиков в зелени раскинулся город, и возвышающиеся над всеми его строениями белые стены и купола старинных зданий. Приятна и его спокойная, размеренная жизнь. Оживленно лишь на главных улицах, вытянувшихся вдоль реки: летом здесьлюдно, много приезжих, туристов. Поперечные же улочки короткие, одним концом выводящие к реке, другим в поле, тихие и спокойные, патриархальные: редки прохожие, возле домов сидят старички, собаки лениво развалились на дощатых тротуарах.

И вот такой тихой улочкой, поросшей травой-муравой, выйдешь на берег, где под березой стоит скамеечка, и сядешь, глядя на реку. Вдоль всего городского берега вереницей вытянулись лодки. Вся жизнь городка летним вечером у воды: детвора купается, женщины стирают белье, мужчины возятся возле лодок. Над рекой стоит треск и жужжание моторов — рыбаки уезжают на озеро Лаче. Оно отсюда в трех километрах, вон за тем мыском, большое озеро, дающее исток этой прекрасной реке — Онеге.

Вода обладает завораживающим свойством — можно долго смотреть на речную гладь, особенно в вечерние часы, а вечера на Севере летом долгие, сумерки прозрачные — солнце зашло, а вода еще долго хранит розовый отблеск зари, плес лежит зеркалом, в котором отражаются бело-

снежные массы древних храмов — они одни свидетели давней и славной истории города, его каменная летопись...

Но история Каргополя, как и любого старого города, много древнее истории его каменного зодчества. Маленький Каргополь, вероятно, ровесник Москве. Во всяком случае, первоначальное поселение относят к XI—XII векам. Было ли это чудское поселение, или на глади Онеги появились устрugi новгородцев, проникших сюда по системе озер и волоков с Белозерских земель?

Происхождение города, как и его название, до сих пор остается загадкой исторической и топонимической.

«Каргополь» звучит необычно, что-то античное чудится в его имени: «поль», «полис» — город по-древнегречески. Одна из версий приписывает названию города греческое происхождение, поскольку на Руси, поддерживавшей связи с Византией, знали греческий язык. Имя города должно означать «корабельная пристань». По другой версии белозерский князь Вячеслав (лицо историческое, о его походах упоминается в «Повести временных лет»), возвращаясь из похода на «белоглазую чудь» «поганных сыроядцев», отдыхал здесь на просторном поле, а так как было здесь множество ворон, в просторечии карг, то и поименовали стан «каргиным полем». «На обратном пути... нашел поле, удобное для отдохновения... назвал князь оное Каргиным полем и учредил на оном свой стол... Россияне сделали на поле том острог...» — эти сведения содержатся в бумагах Г. Р. Державина, короткое время бывшего олонекским губернатором. Третья версия выводит название города от финских слов «каргун-пуоли», что значит медвежья сторона.

Вспоминается здесь, в Каргополе, и загадочный русский писатель XII века Даниил Заточник. «Кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено», — писал он в своем «Молении». Некоторые исследователи, исходя из этих слов, полагают, что сюда, на Лаче, автор был сослан; следовательно, здесь уже был город. Но фраза Даниила скорее поэтическая метафора, хотя из нее можно заключить, что в XII веке русские люди хорошо знали географию своей земли.

Первое летописное упоминание о Каргополе героически легендарно и относится к 1380 году, когда князь Глеб Каргопольский вместе с мужественными князьями белозерскими явился по призыву Дмитрия Донского, храбро бился с недругами и пал на Куликовом поле. Однако Карамзин и некоторые историки высказывали сомнение в существовании удельных князей каргопольских. Как бы то ни было, по выражению одного историка, «Каргополь, как из земли,

Город Каргополь

Христорождественский
собор. 1552—1562 гг.

вдруг вырастает городом». В XIV веке здесь возникают первые монастыри: Строкинская пустынь (позднее Спас-Каргопольский монастырь), Кирилло-Челмогорская пустынь. В 1447 году в Каргополь бежал князь Дмитрий Шемяка с можайским князем Иваном, спасаясь от гнева Василия Темного, захватив с собой заложницей мать царя Софью Витовтовну и московскую казну. С XV века имя Каргополя все чаще встречается в исторических документах.

По-видимому, первоначально каргопольское поселение зависело от Белозерского княжества, в дальнейшем, в XIV—XV веках перешло под власть Новгорода, в состав его волостей. От древних времен в городе доньше сохранился земляной вал, замыкавший с трех сторон небольшой, квадратный в плане острог. Место это доньше называют «Городок», «Вал», «Валушки».

Берег Онеги у Каргополя низкий, приметных возвышений нет. Поэтому вал был насыпан на ровном месте, а на

валу поставлены деревянные стены с башнями. Сейчас «Валушки» — просто городской квартал, обнесенный поросшей травой насыпью, из-за которой выглядывают крыши домов.

Древний каргопольский городок был небольшим, но, пусть и маленькая, это была крепость на северных окраинах русской земли и свою роль, как увидим в дальнейшем, она с честью выполнила.

С падением Новгорода власть над северными землями переходит к Московскому княжеству. В XVI веке город быстро растет и богатеет. Возводится новый острог, застраивается посад. Возвышением своим Каргополь обязан своему выгодному экономическому и географическому положению. В нем скрещивались пути из Новгорода в Двинские земли и из Вологодских и Белозерских земель в Поморье. Через Каргополь идет торговля с Поморьем солью и рыбой. Царские грамоты давали городу привилегии в торговле солью, вологжане же и белозерцы не имели права ездить к морю и должны были покупать соль в Каргополе. Этим правом злоупотребляли каргопольские купцы, подмешивая в соль известку — «кавдеху», на что жаловались царю вологжане и белозерцы. В завещаниях московских великих князей и царей Каргополь упоминается в числе значительных владений. В духовном завещании Ивана III сыну Василию отдается «Великий Новгород со всеми с пятью пятнами, с волостями и с погосты... Да сыну же своему Василию даю Заволотцкую землю всю, Онего и Каргополе, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Кокшенгу, и Вельской погост, и Колмогоры, и всю Двинскую и Заволотцкую землю...» По этому же образцу составлена и духовная грамота Ивана IV сыну Ивану. При Иване Грозном, в опричнину, царь взял Каргополь «на свой особой обиход».

Ко временам Ивана Грозного относится возведение древнейшего архитектурного памятника города Христорождественского собора (1552—1562). Огромное белокаменное здание должно было символизировать богатство и величие славного торгового города.

Постройка типична для архитектуры городских и монастырских соборов XVI века, образцом для которых был Успенский собор в Московском Кремле. Север по-своему перерабатывал формы пятиглавого кубического храма, упрощая их.

Действительно, объем собора предельно прост и ясен. Это белая, скупо украшенная гладь стен. Грузная каменная масса. Ничем не декорированные глубокие оконные прое-

мы еще более выявляют толщину и массивность стен. Карниз в виде горизонтальной полосы с зубчиками. По-видимому, прежде собор имел характерное для памятников подобного типа покрытие по закомарам. Пять глав, широко расставленных по кровле, выглядят строго и внушительно.

С восточной, алтарной стороны примерно на две трети высоты поднимаются три апсиды, обводящие стену плавной мягкой линией. По уровню первого этажа идет оригинальная аркатура с килевидным завершением.

Века нарушили ясность облика собора. Стены начинали давать трещины и их приходилось укреплять контрфорсами. Эти контрфорсы, поставленные по всем четырем углам, сложенные из бутового камня, зашитые досками, придают собору суровый крепостной вид.

Пристройки XVII века — два придела с севера и юга и галерея главного входа с запада — стилистически не связываются с собором. Грузная масса собора еще более расплзается в стороны, дробится.

Северный придел Алексея и Филиппа, сам по себе небольшой, словно бы осторожно прилегает к стене сурового великана, его красивое крыльцо на два всхода далеко выступает на соборную площадь. К западной стене пристроена галерея, оформляющая вход в собор. В убранстве ее окон, как и окон приделов, мы встречаем разнообразные узорчатые каменные наличники. Это оконное узорочье, как мы увидим в дальнейшем, — одно из чудес каргопольской архитектуры.

К лестнице, ведущей на галерею, до недавнего времени примыкала церковная сторожка. Каменный орнамент, украшавший вход в сторожку, вызывал восхищение академика архитектуры В. В. Сусллова. Воспроизвел сторожку в своей «Истории русского искусства» И. Грабарь. Ныне мы тщетно будем искать знаменитую сторожку — своевременно не реставрированная, она разрушилась.

Христорождественский собор был двухэтажным. Внизу находилось отапливаемое теплое зимнее помещение (но из-за сырости служба там была прекращена еще в прошлом веке). За четыре века собор значительно «врос» в землю, так что окна нижнего этажа приходятся почти на уровне земли — это обстоятельство, безусловно, нарушило пропорции здания, усилило впечатление грузности, массивности. Интерьер верхнего храма — просторный, высокий. Собор отреставрирован внутри, выбелен, в нем много света, воздуха. Свет проникает из окон, льется в световые барабаны глав. Шесть мощных столпов поддер-

живают своды. Четыре приходится на сам храм, два других отделяют алтарную часть, к ним укреплен огромный пятиярусный иконостас.

Иконостас резной, позолоченный, сквозь золоченую резьбу просвечивает красная раскраска тьял. И резьба и живопись большинства икон относятся к XVIII веку. До наших дней сохранилась храмовая икона «Рождество Христово», датированная концом XVI — началом XVII века (сейчас — ГРМ, Ленинград). Это огромная доска (180 x 155 см), когда-то находившаяся в первом ярусе иконостаса, как главная святыня, храмовая икона. Своеобразие «северных писем» ярко раскрывается в этом памятнике. Традиционный сюжет иконописи решается бесхитро, в духе пространного повествования. Сцена Рождества осложняется сопутствующими сценами: поклонение ангелов, шествие волхвов, явление ангела волхвам, поклонение волхвов, бегство в Египет, избиение младенцев и другими. Подобная многосюжетность присуща только Северу (сравните с «Рождеством» из Холмогор второй половины XVI в.). При всем том что икона очень велика, она, как отмечают исследователи (Э. Смирнова), напоминает книжную миниатюру с ее дробностью деталей, рассчитанных на последовательное разглядывание, радующую глаз своей собранной пестротой.

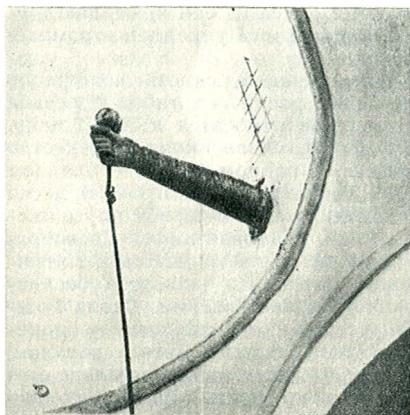
Икона эта почти бесспорно местного письма, что дает основание говорить о существовании в Каргополе наряду с каменных дел мастерами и иконописной мастерской.

Можно предположить также, что этими же мастерами был расписан фресками интерьер собора. Но в XVIII веке собор сильно пострадал от пожара, долгое время стоял открытым, без куполов. Очевидно, тогда же погибли и фрески — до нас дошел только плохо сохранившийся фрагмент деисусной композиции на западной стене собора. Фигуры фрески написаны красной охрой в буровато-кирпичных тонах.

Мы мало что можем сказать об этих фрагментах, как и о том, почему деисусная композиция помещена на западной стене, где обычно изображается «Страшный суд». Любопытной деталью интерьера собора является кронштейн в центральном куполе — он сделан в виде гигантской руки, держащей цепь, на которой подвешено паникадило.

В недалеком будущем, когда будет отреставрирована живопись иконостаса, в помещении будет открыт филиал Каргопольского краеведческого музея.

Документально нам неизвестно, как выглядел Каргополь

*Интерьер
Христорождественского
собора. Кронштейн*

в XVI веке. Можно только вообразить небольшую деревянную крепость, разбросанные по берегу там и сям домишки посада и одинокую белокаменную громаду собора возле пристани, на торгу. Единственным кратким и к тому же заведомо неверным описанием Каргополя является упоминание о нем в записках немца-опричника Генриха Штадена. Предлагая «римскому кесарю» Рудольфу II план завоевания Московии с севера через реку Онегу, Штаден описывает селения по ее берегам. «Каргополь — незащищенный город без стен... В городе и уезде живут только торговые люди и крестьяне, ежегодно они платят в казну то, что с них причитается. Но до войны им нет никакого дела, никакой заботы». События наступившего вскоре «смутного времени» показали лживость этих слов.

Начало XVII века на Руси было временем тревожным. Крестьянские восстания, польско-шведская интервенция — отзвуки этих событий долетали и до Севера. В 1608 году в Каргополь был привезен вождь крестьянского восста-

ния Иван Исаевич Болотников. Здесь он был тайно утоплен в проруби.

А вскоре и Север стал ареной военных действий. Разбойничьи шайки иноземных захватчиков появились под стенами Кирилло-Белозерского монастыря, но взять хорошо укрепленный монастырь-крепость им не удалось. Тогда часть «воровских» отрядов двинулась на Каргополь.

Вот тогда-то и прославилась крепость «Валушки». Когда в декабре 1612 года «воры» начали осаду города, каргопольцы мужественно отбили три вражеских штурма и смело вылазкой разбили осаждающих. В 1613 году по каргопольским волостям снова бродят «воровские» шайки. В 1614 году они снова осадили город, но успеха не добились. И в 1615 году беспокойно в Каргополье. Разорение края было нанесено огромное. Враги «великую конечную победу учинили, — пишут каргопольцы в челобитной царю Михаилу Федоровичу. — Все наши волости учинились пусты; никакого хлеба нет, имущество пограблено, скот выбит и оставшимся людям пить и есть нечего, искупаться перед посланными сборщиками нечем».

Но миновало лихолетье, и слава Каргополя снова стоит высоко. В «Книге Большому чертежу» он назван «град славен Каргополь». Процветает торговля солью, рыбой, салом морского зверя. Возводятся новые белокаменные храмы, растут посадские строения. Город управляется воеводами, в ведении которых находилось все Поонежье (так назывались земли по реке Онеге, в отличие от Обонежья — земель по берегам озера Онего). Одним словом, это значительный средневековый город, ни в чем не желающий уступать другим торговым северным городам, вроде Великого Устюга, Соли Вычегодской, и, как каждый город, живущий на особицу, со своим лицом. Лицо города — его архитектура. В этом отношении XVII век значил для Каргополя многое, свидетельство чему — три первоклассных памятника.

В новую эпоху на просторной площади, получившей название по одной из церквей Благовещенской (к западу от Соборной площади), возникают два замечательных сооружения. (На этой площади находится также Никольская церковь XVIII века.)

Первый — церковь Рождества Богородицы (в дореволюционных изданиях — у И. Грабаря, В. Суслова она названа Владимирской и датирована 1653 годом, ныне датируется 1678—1680 годами).

Здание принадлежит к московскому типу пятиглавых бесстолпных храмов с трапезной и примыкающей колокольней (колокольня, которая традиционно должна была

*Богородицерождественская
церковь. 1678—1680 гг.*

быть шатровой, перестроена в середине прошлого века). По форме своей церковь эта выпадает из общего типа каргопольского зодчества — так называемого кубического храма с его утяжеленными объемами, predeterminedными обликом городского собора. Она крестчатая в плане. С севера и юга к основному кубу храма примыкают два симметричных придела. Они учтены в архитектурном решении памятника. Интересно, что приделы поставлены по северо-западному и юго-западному углам храмового четверика, а не сдвинуты к алтарю, что было бы более традиционно и создавало бы сплошную волнистую линию трех апсид. Объем здания, если смотреть с восточной алтарной стороны, четок, компактен, вписывается в равносторонний треугольник, вершина которого на центральной главке, а воображаемые стороны проходят по скату боковых главок и главок приделов.

Своеобразие планировки отразилось и на обработке стен здания. Благодаря особенному расположению приделов

северный и южный порталы (входы их заложены) находятся не на поперечной оси, а сдвинуты к западу, соответственно асимметрично расположены и оконные проемы. Каргопольские каменных дел мастера распорядились и здесь со всей художественной смелостью. Перед ними была белокаменная гладь стен, и они их украсили по своему вкусу. Их не смутило, например, что верхние окна оказались пробитыми не на одном уровне — иначе и нельзы было — мешали апсиды приделов, зато преуспели они в деле «каменносечной хитрости». Порталы, окна, карнизы, барабаны глав — все изукрашено каменной резьбой.

На первый взгляд все здесь спутано, сбито, не только расположение окон несимметрично, но и сами оконные проемы разной величины, одни больше, другие меньше, соответственно этому и узор их разный, нет совершенно схожих мотивов, каждое окно оформлено на свой вкус, — а впечатление художественной целостности достигнуто. Каменные наличники выполнены в форме полуколоннок с перехватами, завершение их — в форме разнообразных кошников, стрельчатых, полуциркульных, окна над апсидами приделов увенчаны «коуной». Красивы перспективные порталы в виде полуколонн с перехватами и полуциркульными архивольтами в виде снизки каменных бусин. Узорочье продолжается и на карнизах, где использованы широко распространенные орнаментальные мотивы — пояски бегунца, поребрика, ромбики; тонкие, изящные барабаны глав оплетают декоративные пояски и аркатура.

Богородицерождественская церковь открывает собой ряд памятников особенного местного стиля, который можно назвать «каргопольским узорочьем». Подлинным шедевром является находящаяся по соседству Благовещенская церковь (1692), по имени которой названа площадь. Памятник этот недаром вызывал восторги многих исследователей; И. Грабарь отвел ему почетное место в «Истории русского искусства». Действительно, как всякое совершенное произведение, здание можно созерцать бесконечно, открывая в нем все новые детали прекрасного целого.

Памятник принадлежит к типу кубических пятиглавых каргопольских храмов, образцом которых был Христорождественский собор. Храм внешне прост в своих очертаниях, но уже издали, подходя к нему, отмечаешь чистоту его линий, четко расставленное пятиглавие и пропорционально найденное соотношение высоты и овала апсид. Когда же подходишь еще ближе, общее впечатление

невольно разбивается видом его стен — каждая из них унижена затейливым узорочьем и каждая сама по себе прекрасна. То, что придает трепетную неровность белой, сверкающей поверхности, что оживляет ее и будоражит взгляд, — белокаменное оформление окон. В оконном узорочье разгадка «каргопольского стиля». И Грабарь недаром писал о «ничтожных, почти нищенских средствах» зодчего Благовещенской церкви, которому «удалось достигнуть впечатления ошеломляющей нарядности».

В самом деле, в оконных кокошниках, в перспективных порталах нет ничего необычного, все элементы декора — колонки, жгуты, балясины, бусины, ромбики и прочее — были известны повсеместно, но здесь все это приобретает характер новизны, словно бы мастера впервые открыли для себя чудо каменносечного искусства.

Прекрасен южный фасад (со стороны Октябрьской улицы). В трех рядах по три ряда окон, что соответствует двухэтажности храма, из них два верхних — окна холодного помещения. В центральном ряду расположен перспективный портал с полукружием из низок каменных бусин, над ним два ряда спаренных окон с симметричным узором кокошников. Окна боковых рядов расположены не симметрично — одному окну нижнего ряда левого ряда отвечают два окна правого ряда. Неодинаковы и конфигурация оконных проемов и рисунок наличников. Мастера вырезали каждое окно на особицу. У одного окна кокошник стрельчатый, у другого трехлопастный, у одного побогаче, у другого поскромнее. У одних наличник оформлен полуколонками, у других глубокий перспективный проем в три валика. У иных оконный проем циркульный, у других сложного профиля с гирькой. Интересно, что и по вертикали окна боковых рядов расположены несимметрично, то есть одно под другим, напротив, окна второго ряда умышленно сдвинуты вправо. Сделано это преднамеренно — дабы уравновесить окна нижнего этажа. Каргопольские каменные мастера отлично понимали, что при текучем каменном узоре следование математическому равновесию иссушило бы облик здания. Они же добивались живописности, стремились достичь зрительного эффекта от плоскости стены, и им это удалось благодаря продуманной асимметрии и разнообразию декоративных мотивов. И стена не осталась бездушной, она живет, — если применимы только эти слова к холодному белому камню. «Южная стена может соперничать с дворцами раннего флорентийского Возрождения по изысканности пропорций и вкуса», — писал И. Грабарь.

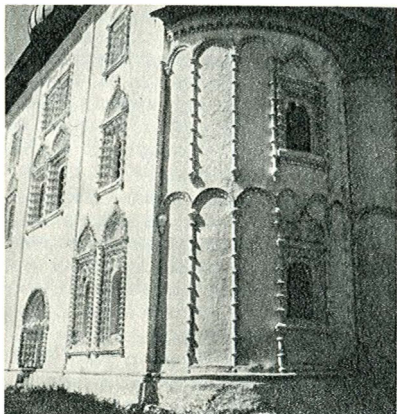

*Благовещенская церковь.
1692 г. Восточный фасад*

Схоже обработаны западная и северная стены. Здесь в средних пряслах над нижними порталами мы видим проемы входов в верхнее помещение, куда в прежнее время вели лестницы с крыльцами, до нас не сохранившиеся.

Обходя здание вокруг, мы замечаем, что не только окна, но и другие детали не оставлены мастерами без внимания. Так по ребрам каменного куба примерно на две трети высоты пущен каменный жгут, что смягчает острые углы здания. Карниз прямой, видимо, таким был и прежде. Узорочный пояс его прост и изящен и состоит из протянутых каменных лент полуваляков, жгута, ряда зубчиков и каменных крестиков. Барабаны глав совершенно лишены декора, кроме узких поясков поребрика под куполами. Вряд ли прежде было так.

Мы обошли храм с трех сторон. То, что мы видели, — прекрасно, но подлинное чудо каргопольской архитектуры — восточная, алтарная стена Благовещенской церкви. Ее мастера изукрасили с особенным старанием.

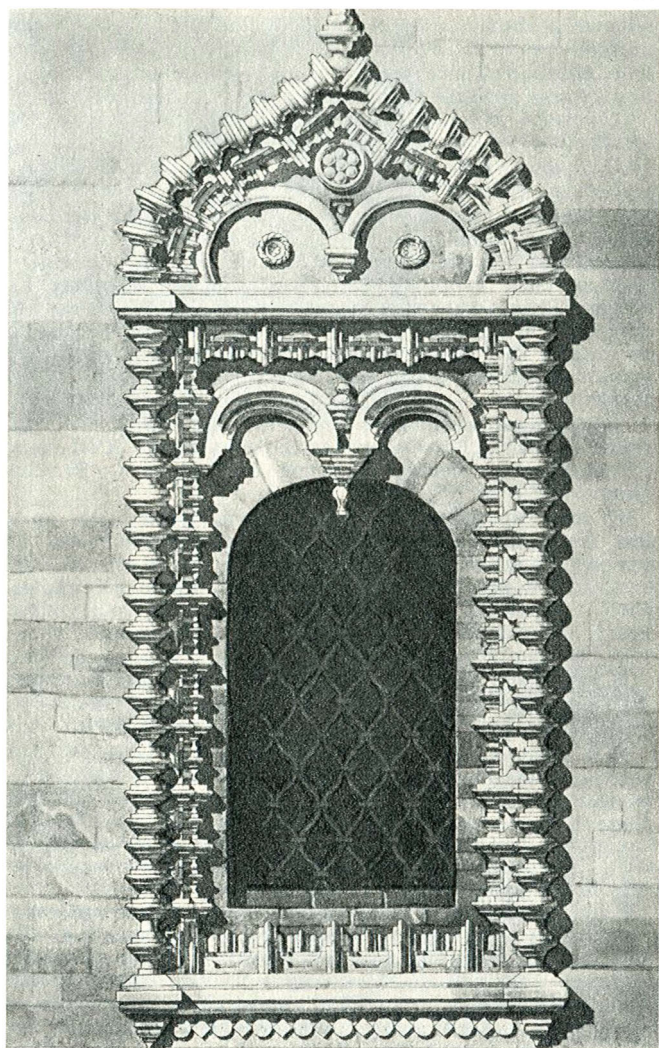

*Благовещенская церковь.
1692 г. Вид с юго-востока*

*Благовещенская церковь.
1692 г. Окно южного фасада.
Рис. А. В. Ополовникова*

Трехчастная апсида прекрасно пропорционально найдена в отношении к объему здания. Она вливается в его массу плавной благородной линией, поднимаясь на две трети высоты стены. Мастера использовали здесь аркатурный мотив с алтарной апсиды Христорождественского собора и применили его во всем великолепии. Циркульные полукружия двух ярусов аркатуры украшены тонким бисерным узором, а ритм колонок с перехватами бесконечно разнообразит поверхность. С изысканностью аркатуры сочетается художественная обработка окон. Уж тут каменные резчики исстарались! Оконные наличники вырезаны с той тонкостью, когда теряется представление о плотной массе камня и камень становится в обработке податливым, как дерево. Достаточно взглянуть на любое из окон. Вот нижнее окно средней апсиды. Его проем в виде двухлопастной арки с гирькой. Наличник — три перспективных ряда каменных узоров. Изящные «точеные» столбики с полочками оформляют первый ряд. Киле-

видный кокошник царственно венчает окно, в него вписан второй кокошник, оформленный еще более тонкой «мягкой» резьбой. Красоту узорочья алтарных окон дополняет ажурная кованая решетка в оконных проемах.

Поистине, вся алтарная стена — в царском убранстве. Аркада, окна — настоящий дворец! Сравнение И. Грабаря этого здания с возрожденческими палаццо справедливо и в той мере, что светский элемент, присущий архитектуре Возрождения, сказывается и здесь. Благовещенская церковь была строением посадских людей Каргополя, постройкой народных мастеров для народа, — и они создали свой дворец! По оригинальности оформления апсиды Благовещенской церкви, пожалуй, ни с чем не сравнимы в древнерусском зодчестве. Сошлемся еще раз на мнение И. Грабаря: «Восточная стена, с тремя алтарными полукружиями, является шедевром стеной обработки вообще».

Следующим памятником того же времени и того же стиля является Воскресенская церковь конца XVII века, расположенная между Торговой площадью и «Валушками».

Из всех каргопольских белокаменных кубических храмов Воскресенский, пожалуй, наиболее живописен по силуэту. Этому впечатлению способствует и то обстоятельство, что он единственный имеет покрытие по закомарам, пять его мощных глав соединены в единую скульптурную массу, которая пропорционально и композиционно сочетается с общим объемом.

В убранстве своем он немногим проигрывает Благовещенской церкви — и здесь, на его белых стенах, всюду разгулялась рука славных каргопольских мастеров.

Рельефно выступающие лопатки делят западный и восточный фасады на три прясла, а северный и южный на четыре. В отличие от Благовещенской церкви, квадратной в плане, двухэтажной, Воскресенская в плане прямоугольная, также четырехстолпная, но одноэтажная. Апсиды низкие — в половину высоты стен. С запада примыкает большой притвор.

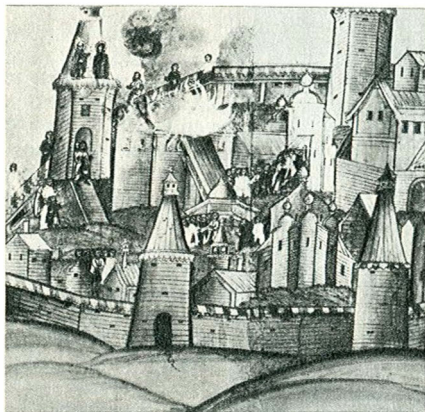
В фасадах Воскресенской церкви есть своя необъяснимая прелесть, и ходить вокруг одинокого древнего здания, стоящего на просторной зеленой площади, — большое наслаждение. Пожалуй, наиболее красива его южная стена. Хорошо смотрится глубокий перспективный портал, напоминающий южный портал Благовещенской церкви, его полукружие повторяется в закомарах. Плавная линия

*Воскресенская церковь.
Конец XVII в.*

закомар красиво завершает стену, богато профилированный поребрик карниза вносит дополнительную нарядность к узорочью окон. Декоративное убранство стен продолжено на барабанах куполов в виде аркатур и декоративных поясков.

Примечательно, что и здесь нигде (исключая апсиды) узор окон не повторяется. Если будут одинаковые колонки наличников, то кокошники непременно разные, если схожие кокошники — обязательно разные колонки. Резные столбики с полочками, с бусинками, с ромбиками, кокошники, «коруны» — все собрано здесь. Точно так же не найдем мы и полного тождества в оформлении окон всех трех каргопольских церквей конца XVII века, хотя общность декоративной обработки дает основания предположить, что это дело рук одной артели мастеров. То, что каменносечных дел мастера жили в то время в Каргополе, мы знаем по документам. Они прославили свой город в веках.

*Фрагмент иконы
«Борис и Глеб у града
Каргополя».
Конец XVII — начало XVIII в.
Архангельский музей
изобразительных искусств*

Облик Каргополя того времени мы можем отчасти представить по изображению на иконе «Борис и Глеб у града Каргополя», написанной в конце XVII — начале XVIII века местным иконописцем Тихомировым (Архангельский музей изобразительных искусств). Большую часть поля иконы занимают фигуры святых и вензель, в котором помещен текст благодарственной молитвы. Для нас наиболее интересен фрагмент иконы с «палатным письмом», изображающий пожар в городе, затушенный чудесным вмешательством святых. Икона по природе своей далека от реального изображения действительности, в ней действует принцип условности, — считать изображенный на иконе город подлинным видом Каргополя конца XVII века можно весьма приблизительно, и тем не менее можно. Мы видим древнерусский город с деревянными стенами и башнями, крытыми шатрами, различаем городские постройки — избы с резными дымоходами, клетскую церковь с тремя апсидами, звонницы с колоколами, палаты с крыльцом «на

три рундука». Верх палат покрыт альм пятном киновари — огонь лижет кровлю, вырывается из окон. Толпа горожан собралась возле каменной церкви, мастер хорошо передал ощущение растерянности народа, заворуженность страшным и захватывающим зрелищем пожара.

Исторически достоверное описание городской крепости содержит «Роспись: каков город и что в городе наряду?», составленная в петровское время, в 1714 году. Из описания предстает перед нами город деревянный, рубленый, башен по стенам девять. Башни восьмериковые и четвериковые, крытые шатром. Как и в каждой крепости, имели они свои названия: Троицкая, Воскресенская, Пытальная, Подлазная. «А тот город — строения давних годов; башни строены шатровые, и те башни и городовая стена крыта тесом; и во многих местах стена и кровля и лестницы, которая из города на городовую стену были, сгнили и обвалились». Деревянная крепость, выдержавшая осаду в Смутное время, отжила свое. Упоминается в описи среди крепостных орудий и пушка с оторванным дулом — эта пушка лежит сейчас у здания Каргопольского краеведческого музея.

Наступило новое время. Россия вошла в XVIII век «при стуке топора и при громе пушек». Для Каргополя же славные и трагические события истории остались позади. В годы Северной войны в город был назначен комендант, а сам Каргополь некоторое время находился в ведении Адмиралтейства. По административному делению город принадлежал попеременно к Ингерманландской, Санкт-Петербургской, Новгородской губерниям. В 1776 году назначен уездным городом Олонецкой провинции Новгородского наместничества, с 1801 года — Олонецкой губернии.

XVIII век — время упадка для многих славных в прошлом торговых северных городов, в том числе и для Каргополя. Упадок прежнего торгового значения города, однако, не означал прекращения строительной деятельности. Напротив, XVIII век довершил формирование облика города. Наиболее важным было решение ансамбля Соборной площади.

На этой площади, как мы помним, стояло одно монументальное здание — Христорождественский собор. Возле собора стояла колокольня. Окружало их древнее кладбище. Рядом находился торг, базар, по старой традиции происходивший по понедельникам. Сюда, к каргопольскому торгу, подводили все пути, по которым приходили и при-

езжали люди из ближних и дальних мест. Прежде всего водный путь по реке Онеге. Сухопутных же путей было несколько. С севера шел Архангельско-Онежский тракт, с востока через реку переходил Важский путь, с юга и запада, сходясь у города, Вытегорский и Пудожский тракты. Все дороги заканчивались в одной точке — на Соборной, или Торговой, площади. Это и послужило основой естественной планировки города и создания городского центра не у крепости, которая в XVIII веке обветшала и разрушилась, а на посаде, у торгова.

На площади возле главной святыни города — собора — возникают новые каменные здания.

В 1732 году возводится каменная Входиерусалимская церковь, ныне не существующая. Церковь была двухэтажной, кубической формы, увенчанная пятью главами на тонких вытянутых барабанах. Стояла она к востоку от собора.

В 1740—1751 годы строится церковь Иоанна Предтечи, недалеко от Входиерусалимской, ближе к оси главной улицы (ныне ул. Октябрьская). Если Христорождественский собор открывал собой оригинальную страницу каргопольского белокаменного зодчества — создание местного типа кубического пятикупольного храма, то Предтеченская церковь представляет собой одно из завершений этого типа.

Здание внушительно своими размерами, под стать другим каменным громадам, вместе с ними ему принадлежит важная роль в создании силуэта города. Четкий графичный контур его легко читается. Белая неукрашенная гладь стен куба храма скупое членится плоскими пилястрами. Толщю стен прорезают три яруса окон, из которых верхние фасонной восьмигранной формы. Резкий контур каменного куба неожиданно живописно восполняется вычурной формой барочных глав на вытянутых барабанах. Недаром облик этой церкви больше других привлекает художников своим контрастом скупых форм с затейливым оглавлением. Интересна алтарная стена церкви с далеко выступающими апсидами с покрытиями килевидной формы — подобие бочек деревянного зодчества, нашедших применение в каменной архитектуре. Подобное покрытие, безусловно, могло возникнуть только на Севере. Образцом здесь могли быть не только деревянные церкви в окрестностях Каргополя, прекрасные деревянные храмы стояли и в самом городе, как знаем мы,

*Церковь Иоанна Предтечи.
1740—1751 гг.*

судя по иконе мастера Тихомирова и по старинным документам.

В 1765 году Каргополь постиг страшный пожар — сгорело семь каменных, две деревянные церкви, административные здания, торговые ряды, до трехсот обывательских домов, — по словам очевидцев, «бревна метало за реку». Пожар 1765 года не пощадил каргопольский собор, о чем мы уже упоминали, уничтожил стоявшую недалеко соборную колокольню. Какова она была, мы не знаем, известно только, что на ней были часы «с лунным течением». Новая колокольня стала отстраиваться вскоре после пожара в стиле своего времени. В соответствии с новыми вкусами она приобретала значение вертикали в городском ансамбле. Без шпиля колокольни не мыслился ни один уездный город. Получил такую колокольню и Каргополь.

Соборная колокольня (1767), построенная в новой манере, со знанием ордерной системы, отвечает общему характеру грузных объемов зданий на Торговой площади. Она

трехъярусная, увенчана четырехгранным куполом со шпилем и крестом. Общая высота ее 61,5 м. Это действительно самое высокое сооружение среди каргопольских равнин, далеко видимое отовсюду.

Низ колокольни имеет вид высоких проездных ворот. Четыре мощных устоя настолько значительны, что в толще одного из них проходит лестница наверх. Нижний ярус, суровый, строгий, тяжеловесный, обработан по сторонам сильно выступающими пилонами. Второй ярус более облегченный, украшен колоннами ионического ордера. На раскрепованном антаблементе стоят декоративные вазы, что несколько оживляет грузные формы колокольни. Третий ярус, меньшей высоты, оформлен плоскими пилястрами. В прошлом веке здесь находились часы со звоном.

Широкий пролет нижнего яруса колокольни ориентирован строго по оси Ленинградской улицы, по которой проходил прежде Санкт-Петербургский тракт. Любопытно, что и крест ориентирован относительно тракта, а не относи-

*Соборная колокольня.
1767 г.*

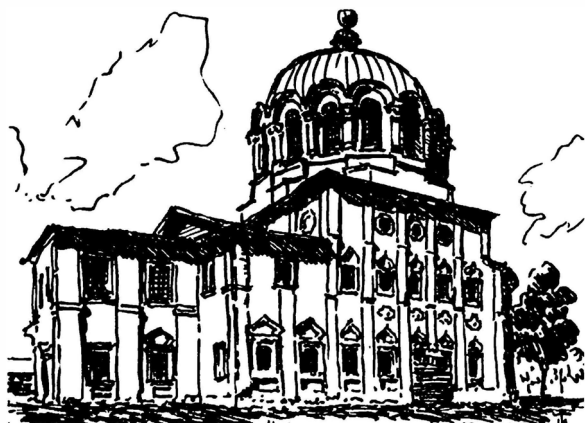

тельно востока, как делается обычно. Нарушение обычая было вызвано ожидавшимся проездом через Каргополь Екатерины II, но поездка императрицы так и не состоялась.

Соборная колокольня, хотя и построенная в ином стиле, чем стоящие на Торговой площади церковные здания, тем не менее играет среди них роль объединяющей вертикали и способствует созданию ансамбля. Сейчас на просторной древней площади стоят три церковных здания. Третий, еще не названный нами памятник — Введенская церковь 1808 года. Формы ее просты: к вытянутому вверх прямоугольнику храма примыкает трапезная с папертью. Верх церкви венчал деревянный барабан с одной главой. Церковь возведена на высокий подклет — «подцерковье», которое прежде использовалось под склад. В настоящее время в этом здании помещается Каргопольский краеведческий музей.

Фоном ансамблю со стороны реки служил Гостиный

Троицкая церковь.
1790—1802 гг.
Рис. И. В. Ткаченко

двор, построенный в самом начале XIX века. В сравнительно недавнее время его галерея была разобрана и сохранилась часть сильно измененного центрального корпуса.

Как всякий приречный город, Каргополь вытянут вдоль реки. С одной стороны фоном ему служит речная гладь, с другой — пригородные поля. Везде, куда ни помотришь, горизонт замыкается полоской лесов. Северо-восточный конец города — у наплавного моста через Онегу. Некогда на противоположном берегу реки стоял Спас-Каргопольский мужской монастырь, от которого донные сохранилось одно жилое двухэтажное здание. Юго-западная окраина города упирается в низкий болотистый лесок, пройдя через который выйдешь на заросшие камышом берега озера Лача. В юго-западном конце города некогда находился Успенский женский монастырь, также несохранившийся. Монастыри пространственно замыкали панораму города, какой открывалась она с реки.

В сегодняшней панораме города на северо-восточной

окраине его высится внушительных размеров Троицкая церковь (1790—1802). Это все тот же массивный куб, перекрытый огромным световым барабаном, возведенным в конце XIX века (первоначально здание было пятиглавым). Тут поневоле поразишься строительному размаху каргопольцев — в своих церковных сооружениях они стремились к огромному, величественному и возводили новую церковь, вдобавок двуххрамовую. Дело, конечно, не в соревновании купцов-толстосумов и не в ревности самих прихожан: исторически сложившийся облик города с белокаменными громадами храмов предопределял размеры здания.

Противоположный конец города завершает один из поздних памятников архитектуры Каргополя — церковь Зосимы и Савватия (1819). Когда-то на этом месте стояла древняя церковь, называвшаяся «Горской» или «церковью на горке». Горская церковь была самой богатой в Каргополе — к ней были приписаны обширные лесные дачи. Церковь эта, прежде находившаяся вне городской черты, стоит особняком и среди других каргопольских зданий. Она построена в новом, «классическом» стиле, выкрашена охрой.

Приходится удивляться не появлению этого памятника на далеком Севере, в бескрайней «деревянной Руси», а талантности народных мастеров, сумевших так умело передать художественное своеобразие эпохи. Пространственная композиция здания проста — это вытянутый по продольной оси прямоугольник, составленный из объемов храма и трапезной. Храм увенчан массивным круглым барабаном, обработанным колоннадой, и перекрыт плоским куполом. Южный и северный фасады храма украшены четырехколонными портиками тосканского ордера с фронтонами. К зданию с восточной стороны примыкает полукружие апсиды. Трапезная построена в два этажа, которые разделены промежуточным карнизом. Плоские стены обработаны часто расположенными прямоугольными окнами. И хотя эта церковь построена в соответствии с законами ордерной архитектуры, в ней сказались местные традиции, в частности, в постановке прямо на кровле трапезной маленькой колоколенки, именно так, как ставили звонницы народные мастера на деревянных церквях — часовенках.

Церковь Зосимы и Савватия завершает почти четырехвековую историю каргопольской архитектуры. XIX век мало что прибавляет в облике города. Одним из немногих, достойных упоминания сооружений является нынешнее

*Церковь Зосимы и Савватия
«на горке». 1819 г.*

здание исполкома, постройки предположительно первой трети века.

В XIX веке Каргополь — глухой северный городок, настоящий «медвежий угол».

Промышленное развитие пореформенной поры мало коснулось Каргополя. Северная железная дорога прошла в стороне (в 86 км восточнее). Дореволюционный Каргополь славился разве что выделкой беличьих шкурок да своими знаменитыми отборными рыжиками величиной с бутылочное горлышко.

Только памятники старины — громады белокаменных храмов, в каждом из которых могло поместиться едва ли не все население города, напоминали о некогда славном времени...

В описаниях Каргополя, относящихся к прошлому веку и началу нынешнего, авторы не раз высказывали удивление обилием церквей в таком маленьком городе. Так, перед революцией население составляло около трех тысяч

человек, в городе было двадцать две каменных и деревянных церкви и два монастыря. Обилие древних памятников придавало захолустному городку необычный, нарядный облик, что и побудило писателя-этнографа прошлого века С. В. Максимова отметить, что Каргополь со своей стариной смотрится «лучше самого губернского города». Схоже описывал Каргополь в начале нового века местный краевед Ф. К. Докучаев-Басков: «Здесь чувствуется веяние и своеобразная мощь древней Руси... Это маленький, но цельный образчик древней Руси... живая страница истории!»

Сегодняшний Каргополь, конечно, непохож на прежнее глухое захолустье. Если мы сказали в начале главы о «тихом очаровании» этого небольшого северного городка, то разумелось под этим восприятие жителя большого города. Для своих же масштабов Каргополь живет достаточно интенсивной жизнью. Население его в девять раз превосходит дореволюционную цифру. Днем оживленно на улицах, шумно на тракте Каргополь — Няндомы, людно на автовокзале и в аэропорту. А вот вечером, когда окончился рабочий день, затихло движение на улицах, ушли в рейсы последние автобусы и последние самолеты, тогда и в самом деле наступает тихое очарование. Уже нет той яркости красок, не столь контрастно выделяются белые стены и купола на фоне неба, нет резкости контуров, все выглядит мягче и спокойнее. Тогда, в эту пору, снова пройдите по городу, по уже знакомым вам памятникам. Или попросите лодку у доброго хозяина. Перед вами предстанет... Впрочем, все сами собой напрашивающиеся сравнения — «сказочный город», «град Китеж» — общи и затерты, да и не в них суть, а в том, что перед вами просто и непритязательно откроется красота родной старины во всем ее поэтическом очаровании.

2. Каргопольская глиняная игрушка

«Работайте больше любясь, чем
заботясь»

А. С. Голубкина

Мы осмотрели город, но еще не побывали в местном музее. Как в каждом краеведческом музее, здесь стенды и витрины, посвященные природе края и его истории. История же Каргополя много древнее прочитанной нами «каменной летописи» и относится к IV—III тысячелетию до н. э., о чем свидетельствуют экспонируемые находки археологов — предметы так называемой «каргопольской культуры». Интересен и этнографический раздел, где выставлены предметы быта северных крестьян — одежда, вышивка, прялки, туеса. Документальные материалы дополняют наше знание об истории города и о его знаменитых уроженцах. Мы узнаем, в частности, что каргопольцем был Александр Андреевич Баранов — «Главный правитель Русской Америки» — русских поселений на Аляске в начале XIX века.

Среди многих экспонатов ваше внимание обязательно привлекут своей веселой пестротой витрины с образцами каргопольских глиняных игрушек. Тот, кто приезжал в Каргополь лет десять назад, помнит, что прежде игрушкам не уделялось столь значительного места. Это и понятно. Возрождение каргопольской игрушки — дело недавних лет.

Некогда гончарным промыслом занимались крестьяне окрестных деревень — Торопово, Гринево, Печниково. Места здесь скучные, сухие, безводные — так и называются они «сушью». Урожай на каменистых полях невысокие, приходилось искать подспорья. Можно только пожалеть, что ничего не сохранилось с тех времен, когда на каргопольском торгу по понедельникам выставлялись в

ряд изделия гончаров. Вот что там было (по описанию краеведа Ф. К. Докучаева-Баскова): «Из той же черной глины лепятся различного рода игрушки, неизменно бывающие на базаре: лошадки — на воле, в упряжи и с верховым; солдатки, куры, фигуры баб (эти последние фигуры скорее напоминают собою изделия людей каменного века), «утушки» для свистания и наигрывания (эта детская свистулька имеет за собой порядочную давность, черепки ее находятся даже при разработке давным-давно нетронутой почвы)... В последнее время спрос на эти игрушки пал, и производство их уменьшается».

Гончар лепил игрушки между прочим, отдыхая среди трудов от однообразия горшков и кринок, стоили эти игрушки гроши, и значения серьезного им никто не придавал, покупали их вместе с горшками, ребятишек побаловать, и недолг был их век.

О старой каргопольской игрушке можно составить представление по работам Ивана Васильевича Дружинина, хранящимся в местном музее. Каргопольская игрушка была блеклой, неяркой. Анилиновых и полихлорвиниловых красок в то время у мастера не было. Мел, печная сажа, цветная глина — вот и все краски. Формы фигурок архаичны, заставляющие вспомнить, как отмечено Докучаевым-Басковым в вышеприведенной цитате, «изделия людей каменного века». Действительно, фигурки баб с плоскими «скифскими» лицами, с обнаженными грудями напоминают первобытных «венер». Бесспорно, что формы северных игрушек, как и орнамент северных вышивок, уходят в самую глубокую древность. После И. В. Дружинина таких игрушек уже не лепят.

Суровая первобытная архаика не присуща современной каргопольской игрушке, как и прежняя, неяркая, сдержанная раскраска. В игрушку проник цвет. Сохраняя традиционные формы, нынешняя каргопольская игрушка стала более яркой, хотя лучшие мастера обычно избегают излишней пестроты. Глиняная игрушка может быть понята разное. С одной стороны, это произведение мелкой пластики, небольшая раскрашенная скульптурка, и это дает ей почетное место среди образцов народного искусства. Но это и игрушка, то есть частица сказочного мира. В игрушке всегда живет сказка, ее образы претворяются в скромных глиняных поделках, предопределяют сюжет и форму. Мастер-игрушечник ничем не связан в своей фантазии, наряду с традиционными формами, он вправе вымышлять. И если попытаться сформули-

ровать, чем каргопольские игрушки отличаются от прославленных дымковских, следует сказать — своей сказочностью.

В витрине Каргопольского краеведческого музея, где выставлены образцы игрушек лучших мастеров, среди различных работ выделяется одна, изображающая бородатого кентавра. О создательнице этой игрушки Ульяне Ивановне Бабкиной, «бабушке Ульяне», слышан каждый турист, приезжающий в Каргополь.

Живет Ульяна Ивановна в небольшой деревеньке Гриневе, что примерно на полдороге в Лядины. Вокруг простирается каргопольская «сушь» — узенькие поля, невзрачные леса. Избушка мастерицы ветхая, покосившаяся — одинокое старушечье житье. Самой бабушке девятый десяток, она маленькая, сухонькая, с лицом, как печеное яблоко. Этакая северная «бабушка-задворенка». Но не так проста бабушка Ульяна, свойствен ей и юмор и старческое лукавство. Пришла она из лесу, корзину грибов наломала, а уже

*Народная мастерица
Ульяна Ивановна Бабкина.*

ее туристы ждут — полна изба гостей. Ульяна Ивановна не смущается, привыкла, что к ней ездят из Москвы, Ленинграда и художники и ученые искусствоведы. И, конечно, все спрашивают игрушек — о мастерице не раз писали в газетах и журналах, и слава ее далеко разошлась. Но бабушка с добродушной сердитостью говорит: «Так вам сразу и покажи игрушки! Приезжают — всем игрушки подавай!» И, ворча, начинает ставить самовар, потом переоделась для гостей — кофту светлую надела, платок чистый повязала. Говорит лукаво: «Что же вы, гости, а с пустыми руками пришли?» Посмеивается, а гости смущаются. Сидят гости на лавках, смотрят на нехитрое бабкино житье — иконы в углу, литографии старые на стенах, русская печь, занявшая едва не половину избенки, лежанка, на которой рядом лежат два больших желтых зеленоглазых кота. Посмеется так бабка над гостями, потом скалится, покажет игрушки. Уйдет на чистую половину в двустворчатую дверь — посторонние туда не допускают-

ся — и выносит фанерный ящик. И начинают, туристы охать и ахать, умолять продать игрушки, да Ульяна Ивановна скажет, что делались игрушки на заказ и не продажные, но потом смилостивится и отдаст некоторые...

Игрушки на столе — и куда девались серые стены, низкий потолок, запыленные оконца — повеселело сразу в доме, засверкало, словно солнце заглянуло. Сказочный мир на столе. «Это кто, бабушка, кентавр этот?» — «Называется Полкан». Так вот, оказывается, разгадка кентавра — лубочный богатырь Полкан. «Вы Полкана сами придумали?» — «Отец мой так делал и я делаю». — «А это кто?» — спрашивают про фигурку женщины в кокошнике с ребенком на руках, типа вятской няньки. «Называется «кокошник». — «А это?» — про женскую фигурку с муфтой. «Называется «муфта». — «А это?» — «Корова». Прекрасная корова, с вытянутым туловищем, черная, в белых кругах с красными крестами, с красным ободком на шее, с белосиними рогами. (Позже я видел такую же среди игрушек У. И. Бабкиной в Москве на выставке-конкурсе произведений мастеров народного творчества в 1970 г.) «А это кто?» — «Заяц». — «Почему с гармошкой?» — «Заяц в лес ходил, цветочков нарвал, пришел домой, взял гармошку, веселый...». — «А вот тут какой-то человек влез оленю на рога тоже с гармошкой». — «Поиграть ему захотелось, все ты спрашиваешь...». Действительно, надо ли объяснять сказку и ее на первый взгляд несообразность? Сказка есть сказка. И стоят на столе «полканы», «муфты», «коровы», «олени», «собаки» — весь сказочный бабкин мир, в котором она живет и о каждом существе которого у нее свой рассказ.

И потолок в избенке низкий и окна скособочившиеся, а живет себе Ульяна Ивановна, как жила, и лепит игрушки на радость людям, как всю жизнь лепила. Ее в Каргополь приглашают переехать, в Союз художников предлагают вступить, пишут о ней, а ничего ей этого не надо, какой была она, такой и осталась — народной мастерицей, простой деревенской бабушкой.

Местные игрушечники объединены в артель «Каргопольская игрушка» (филиал архангельской артели «Беломорский узор»). В маленьком домике на Архангельской улице можно увидеть образцы готовой продукции — глиняное войско «полканов», стада коров и оленей, пестрые хороводы кукол в кокошниках, с муфтами. Сами же мастера работают дома, их немного — пять человек да еще столько же учеников.

Идем к старейшему мастеру-лепщику Александру Петровичу Шевелеву. У него небольшой веселый домик на

Игрушка «Полкан».

окраине города. Игрушечник занят сейчас столярным делом — строгает рубанком доски. Но нам интересно увидеть, как он работает. «Ну что же, — соглашается Александр Петрович, — давайте лепить». В его горенке-мастерской в ведре в сырых тряпках лежит глина, приготовленная для лепки. Мастер берет кусок глины, плоскую с водой, выходит в палисадник, садится в тень на лавку. Раздает всем по кусочку глины. «Лепите». — «Что?» — «А что получится» — и сам начинает разминать в ладонях мягкую, как пластилин, глину.

Александр Петровичу за шестьдесят, на пенсии. Родом он из деревни Торопово в десяти километрах от города. Торопово — один из гончарных «центров» Каргополья. В окрестностях есть хорошие глины и гончарным делом встарь занимались в каждом доме. Ремесло передавалось по наследству, возиться с глиной привыкали с детства. Скучно — все горшки да кринки, возьмешь да слепишь что-нибудь. Старые кустарные промыслы давно заглохли.

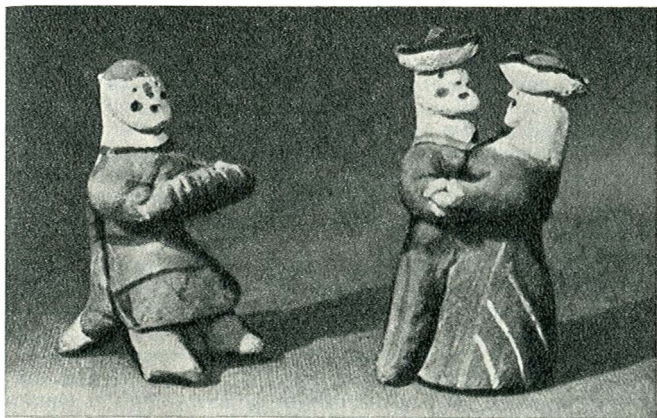
Сам Александр Петрович долгое время работал на кирпичном заводе. «А лепить не бросали?» — «Иногда слепишь ребятишкам». Когда организовалась артель, Александр Петрович стал старшим мастером.

Пока мастер рассказывал о себе, кусок глины превратился в его руках в небольшой цилиндр — болванку, из которой можно слепить все, что подскажет фантазия. «Ну, что же вам слепить? Сей год грибов много, слепим грибка». Пальцы привычно разминают глиняную болванку, которая превращается в туловище, голову, руки, ноги. Возникает коренастенькая фигурка. При лепке мастер постоянно смачивает пальцы водой.

Лепка — дело веселое, и сам мастер улыбается, когда из-под его пальцев возникает такой старичок-боровичок, толстенький, с кривыми ножками, голова с бородой лопатой и смешным толстым носом. Но лепке предшествует долгая работа по приготовлению глины. Сначала глину заквашивают, то есть заливают водой, закрывают мокрыми тряпками и так она стоит три-четыре дня — чем дольше, тем лучше. Потом глиняную массу рубят деревянной лопатой в деревянном корыте. Затем глину надо мять. В старину, когда глины на горшки и кринки требовалось много, ее выкладывали на пол и топтали ногами, часа полтора надо топтать, чтобы приготовить массу на пятьдесят кринок. Из остатков же лепились игрушки. Затем изделия сушили в прохладном тенистом месте. Кринки прежде сушили в сарае, а игрушки нынче сушат дома при комнатной температуре. Два дня пройдет — у игрушек побелеют концы. Потом еще три дня они досыхают. Обжигают в русской печи. Кладут игрушки вместе с дровами внутрь и зажигают. Дрова нужны березовые. Топится печь два часа и неоткрытой стоит до утра. Утром вынимают обожженные игрушки, еще горячие. Очищают от золы, и можно приступать к раскраске. Раскрашивают партию игрушек по частям: отдельно шапки, отдельно кафтаны.

Александр Петрович берет былинку, прикасается к глине — появились у грибка глаза, и рот расплылся в улыбке. Но это еще не все. Из маленького кусочка глины делается шляпа и наклепывается на голову, из другого кусочка — корзина и прилепляется к туловищу, а из совсем крохотных кусочков — несколько грибков в корзину. Вот грибник готов, но не совсем. В лес идти — все веселее с собачонкой. И возле грибника появляются фигурки маленьких собачек.

Теперь мастер смотрит, что получилось у гостей. «Ничего, ничего», — поощряет он. Он-то знает, что лепка из

Хоровод. Игрушка

глины есть игра, в которой может участвовать всякий,— слепил, себя потешил. А вот дать хоть недолгую жизнь глиняной игрушке уже сложнее. «У твоей-то лисы,— говорит он,— хвост при обжиге отвалится, а у медведя палка в лапах». Начинаешь понимать, что формы глиняных игрушек при всем разнообразии не произвольны. Игрушка должна быть целостна, заключена в едином объеме.

Основные типы каргопольских игрушек повторяются у каждого мастера, но каждый вносит в них свою художественную индивидуальность. Например, олени, коровы, медведи с гармошкой есть и у А. П. Шевелева и у У. И. Бабкиной, но у каждого они свои, своего типа, своей раскраски, с присущими мастеру излюбленными цветами. И что еще замечательно — нет ни одной фигурки, повторяющей другую в раскраске, — шапочки грибников, колера коной всегда разнятся, да и в формах игрушек одного сюжета нет полной идентичности, потому что штампуют эти фигурки не машины, а творят добрые руки мастеров.

Мастер-лепщик имеет определенную норму выработки, он сдает примерно двести игрушек в месяц (всего же артель «Каргопольская игрушка» выпускает в среднем тысячу штук в месяц, около пятнадцати тысяч в год). Конечно, каждый мастер пускает «на поток» свои привычные, излюбленные типы игрушек. Это его ремесло, которое дает заработок. Но мастер — не ремесленник просто, он — народный умелец, в нем живет художник и нет-нет слепит не на заказ, а так, «попробовать» ради искусства. И возникают совершенно забытые и совершенно новые, не традиционные формы.

Александр Петрович, например, лепит свистульки с бородатыми головами «полканов» и свистульки с женскими лицами — «птица Сирин». «Вы сами это придумали?» — «Нет, так у нас лепили раньше «полканов», «сиринов». А вот эту игрушку он придумал сам: конь с двумя головами, вроде Тянитолкая из детской сказки, на нем двуликий всадник. Мастер объясняет просто: «Лепить одно и то же надоедает, хочется попробовать новое. Эту игрушку было трудно делать, надо, чтобы одна сторона в точности повторяла другую». Такие произведения мастера, обычно, не продают, готовят для музеев и выставок. В местном музее вы увидите целые композиции. У А. П. Шевелева — «Охота на медведя», у С. Е. Дружинина — «Свадьба», у К. П. Шевелевой — «Посиделки», «Тройка».

И все-таки самое ценное и оригинальное в каргопольской игрушке — не в жанровых сценах, а в ее сказочности. Для «вятки» типична «барыня», для «каргополки» — сказочный богатырь Полкан, мифологический персонаж античности, после долгих странствий через века и страны превратившийся в русского лубочного героя из сказки о Бове Королевиче. Подобно тому как сберег Север образцы древнерусского деревянного зодчества, древние песни и былины, так сберег он формы древнерусской игрушки с ее фольклорными персонажами. Сказка Севера живет в этих простеньких, бесхитростных глиняных фигурках.

3. Окрестности Каргополя

Без конца лесу шумячаго,
Ай не видно ему ни краю да
ни берега...

Из былин

Места каргопольские! Чудесный край открывается за этими словами: и озера, и реки, и мхи, и болота, и леса, леса...

И вот что замечательно — в какую бы сторону ни отправились вы от Каргополя по разбегающимся от города дорогам, везде ждет вас находка, открытие, пусть для себя, но обязательно открытие прекрасного памятника зодчества.

Если и есть где безошибочные «дороги к прекрасному», то знайте, что ведут они от Каргополя.

Белокаменный Каргополь стоит своего рода островком, а вокруг раскинулась «лесная Русь» с селами и деревнями, история которых, как и история всего края, уводит в седую древность.

Плывете ли вы по реке, идете ли по дороге, еще издали над зубчатой стеной дальнего леса возникает силуэт огромной ели, и когда вы приблизитесь, увидите, что на самом деле это шатер древней церкви, обозначивший затерянное в лесном море селение. Здесь, на Севере, все, что строил человек себе на потребу: могучие срубы изб, амбары и баньки, колодцы с журавлями и мостики через ручейки и речушки, — все соотносимо с одним природным материалом. Русь лесная — Русь деревянная. И, глядя на памятник зодчества и на сопутствующее ему деревенское окружение, на окрестный пейзаж, на окружающие леса, ощущаешь слитность архитектурных форм с природой, словно бы творение человеческих рук возникло здесь произвольно, естественно.

*Никольская церковь
в селе Астафьева. XVII в.*

Большинство древних памятников Каргополя — шатровые церкви.

Происхождение шатра уходит в глубокую древность. Летописи называют шатровую церковь «церквой круглой по старине», церковь «древяной вверх». Самобытная форма шатра получила широкое распространение в Древней Руси, однако только Север донес до нас памятники деревянного шатрового зодчества.

Древняя шатровая церковь представляла собой восьмигранную башню (почему и называлась «круглой»), увенчанную шатром. Форма эта имеет аналогии в крепостном зодчестве. Памятников этого древнейшего типа сохранилось совсем немного. В Каргополье к числу их относится Никольская церковь XVII века в селе Астафьева на реке Свиди.

Попасть на Свидь из Каргополя просто — ежедневно через озеро Лаче ходит катер. Утомившись ходьбой по городу от памятника к памятнику, приятно сесть на верх-

ней палубе теплохода и отдаться созерцанию водных просторов озера с зелеными полосками камышей по берегам, Свидь — река живописная, в невысоких берегах, с красивыми поворотами. Соединяет она Лаче с другим большим озером, Воже. Когда-то через эти озера шел водный путь в Белозерский край.

Церковь в селе Астафьево поставлена в красивом месте (как, впрочем, и все древнерусские церкви), на высоком холме у излучины реки. Формы ее поражают предельной простотой и величавой суровостью. Угрюмо-выразительны черные бревна восьмигранной стопы с прорезанными по низу небольшими окнами (после раскрытия обшивки обнаружено старое «косячатое» окно). Стопа оканчивается дуговым карнизным выгибом — повалом, от которого начинается шатер. Мощная стопа храма служит ему своеобразным постаментом. Шатер, как и у большинства церквей этого типа, рубленый. Причем если восьмерик здания рубился «в обло», то есть по округлому с выпускными концами, что усиливает живописную игру граней, то шатер рубился «в шап» и «в лапу» — со стесанными концами и покрывался тесом. Рубленой была и маковка, покрывавшаяся чешуйчатым лемехом. У основания шатра над повалом нависают тесовые доски с резными концами, называемые полицами, они выполняют роль водотечин. Все функциональные элементы деревянного зодчества имеют одновременно и важное эстетическое значение, усиливая выразительность сооружения, красоту его силуэта.

Шатровое здание выражает идею устремленности вверх. В свидской церкви шатер вместе с маковкой и крестом превосходит высоту опорного восьмерика. Величественность сооружения хорошо ощутима на удалении, вблизи же шатер зрительно укорачивается, и церковь высотой более тридцати метров не подавляет своей громоздкостью.

Шейка главки, выделенная декоративно лемехом, представляет собой продолжение восьмигранной пирамиды шатра, а не имеет цилиндрической формы, как у большинства шатровых завершений. Еще одна интересная особенность внешнего облика здания: сравнительно небольшая, квадратная в плане апсида, крытая бочкой, из которой вырастает маленький восьмеричок на четверичке, увенчанный небольшим шатерчиком (в настоящее время покрытие апсиды утрачено).

В Никольской церкви, поскольку мы смотрим ее первой, отметим еще одну особенность шатровых церквей: эти огромные сооружения имеют довольно скромные внутренние помещения. Высота интерьера храма занимает едва ли

треть общей высоты. Небольшие окна дают слабый свет, сумрачный вид интерьера искупался ярким убранством церкви. С запада к восьмернику храма примыкала небольшая трапезная — притвор с лестницей, не выступающей наружу, как обычно, а забранной внутрь (ныне не существует).

Достопримечательностью комплекса села Астафьево (здесь рядом с церковью XVII века стоит другая деревянная церковь XIX века) являются уникальные ворота бывшей церковной ограды. Они сложены из плотно подогнанных каменных блоков. На западных воротах высечена дата — 1866. Циклопическая кладка, архаичные формы ворот прекрасно сочетаются с монументальными формами храма-столпа. Особенно поражает арка восточных ворот в виде гигантской скобы, высеченной из цельного монолита.

Возможно, не все из приезжающих в Каргополь смогут побывать на Свида, но, безусловно, каждый увидит самый близкий по расстоянию замечательный памятник XVII века — церковь села Саунино в пяти километрах от города.

Дорога идет среди полей, лугов, перелесков, пока за песчаным холмом, поросшим сосновым лесом, не завиднеется вершина шатра. Привычно для северного пейзажа, что памятники деревянного зодчества, «деревяшечки», как ласково называют их местные жители, стоят в живописном месте, обычно у реки или озера. Древняя церковь Иоанна Златоуста 1665 года стоит среди ровной местности. Ее окружение — золотистое ржаное поле. Стоит она на некотором удалении от ближних деревень, на старом кладбище, некогда обнесенном стеной из валунов.

Церковь и стоящая рядом колокольня вносят поэтичность в окрестный скромный пейзаж, в однообразие полей, окруженных цепочкой поредевших лесов. Пейзаж был бы пуст и скучен, если бы не оживляли его эти стены из потемневших бревен, высоко взметнувшийся к небу шатер храма (высота от уровня земли до креста тридцать пять метров) и дополняющий эту вертикаль, господствующую над местностью, шатер колокольни.

Саунинская церковь является классическим образцом наиболее распространенного типа шатрового зодчества, так называемого «восьмерика на четверике». Красота таких сооружений в умело найденном соотношении нижнего четырехугольного сруба, поставленного на него восьмигранного сруба меньшей высоты и главного украшения храма — самого шатра. Трудно передать словами то чувство удовлетворения совершенством архитектурных форм, которое испытываешь, глядя на расчетливо найденный

угол наклона граней шатра, согласованную с ним цилиндрическую шейку и завершающую луковицу. Шатер обшит тесом в пять рядов, обрезные концы досок создают зубчатые пояски, скупо оживляющие плоскости его граней.

С восточной стороны к храмовому четверику примыкает апсида, квадратная в плане. Апсида, как и у большинства деревянных церквей, перекрыта бочкой красивого криволинейного профиля, с острым верхним щипцом, из которого вырастает небольшая главка.

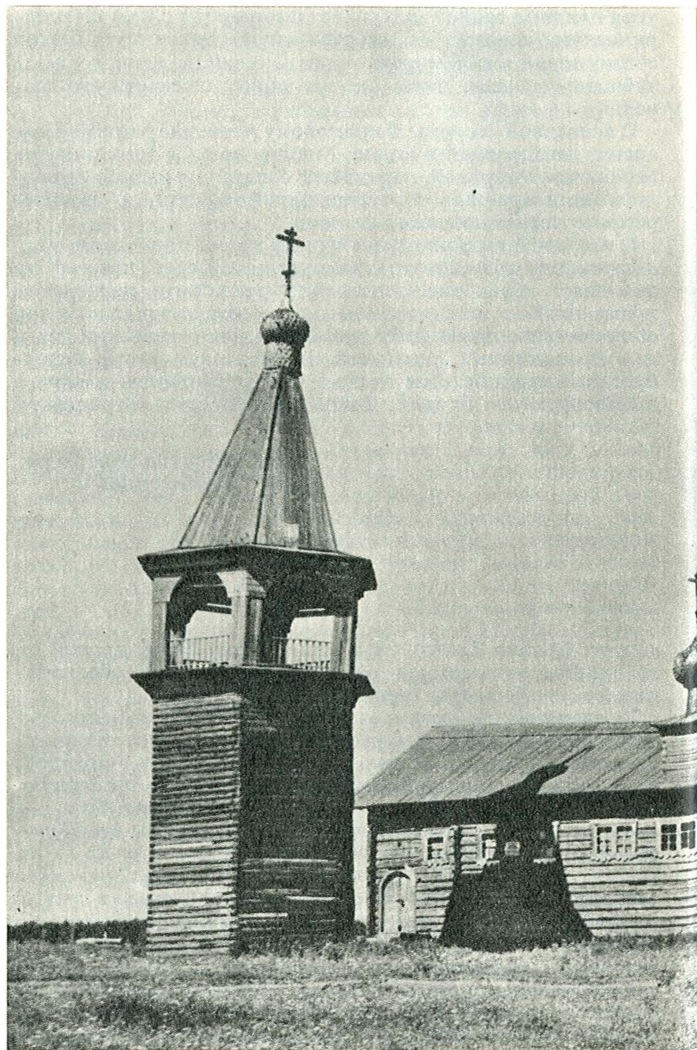
С западной стороны к четверику храма примыкает трапезная. Как обычно, это прямоугольный сруб, крытый на два ската. Трапезная позволяла расширить помещение храма при большом стечении народа, использовалась и как общественное помещение при обсуждении сельских дел и для праздничных угощений. В трапезной могла совершаться и служба. Для этого в ней устраивался алтарь с иконостасом — придел. Такой придел есть в трапезной

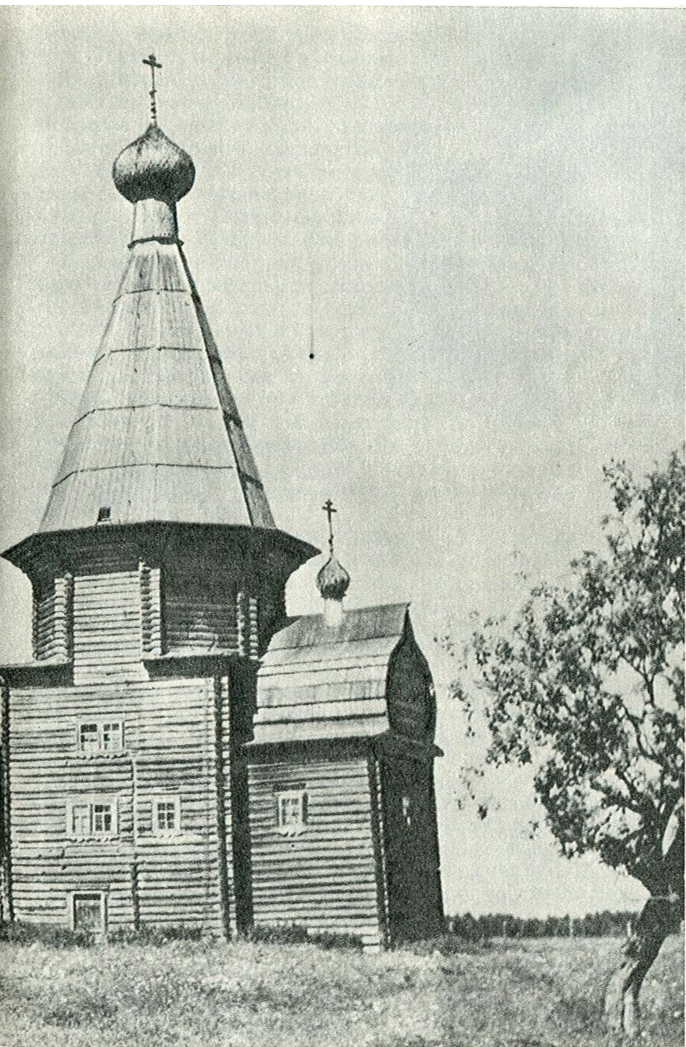
*Церковь Иоанна Златоуста
в селе Саунино. 1665 г.*

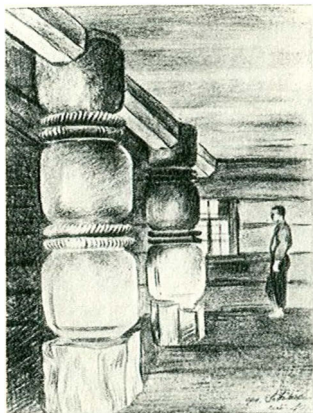

церкви Иоанна Златоуста — по южному скату кровли на небольшом четверичке возвышается главка, обозначающая второй престол церкви.

Памятники архитектуры обычно содержатся закрытыми, и, к сожалению, не всегда удастся увидеть их интерьер. Но если мы войдем внутрь, то сначала попадем в притвор, из которого низкая дверь ведет в просторную трапезную. Потолочные доски лежат на мощном поперечном брус — матице, а сама матица поддерживается двумя столбами. Столбы резные в виде трех поставленных друг на друга «дынек», разделенных поясками в виде жгута. Бревенчатые стены внутри затесаны, а углы выскоблены «в лас». В помещении самого храма внимание привлекает расписное «небо» — потолок, скрывающий конструкцию восьмерика и шатра. «Небо» устроено с легким уклоном ввысь к центральному кругу, в котором помещено изображение Христа, и делится на четное число секторов — косяков, в которых изображены двенадцать апостолов. Тябла распи-

*Интерьер трапезной
Златоустовской церкви.
Рис. арх. Полковникова*

саны орнаментом, в них устроены специальные отверстия — голосники.

Трапезная, вероятно, была поставлена несколько позже храма — она не срублена с ним вплотную, а только примыкает к нему, так что образуется промежуток, забранный стенкой из коротких бревен. Все это не смущало древнего мастера. Он смело шел на обдуманное нарушение симметрии. В сауинской церкви трапезная сдвинута в южную сторону, где находится придел, так что стена трапезной здесь выступает за стену четверика. Северная же стена трапезной срублена вровень, в одну линию со стеной храма. Этот сдвиг от осевой линии хорошо заметен, если смотреть на церковь с алтарной стороны. Асимметрия создает интересную игру объемов, ощутимую при круговом осмотре памятника.

Сауинская церковь, как обычно для Севера, поднята на высокий подклет, так что окна трапезной приходится почти под карнизом. Часто в позднейшее время, при

ремонте здания, окна расширялись. Первоначально, когда они были слюдяные, а слюда была дорога, их делали небольшими, и свет пропускали только некоторые из них, называемые «красными», — обычно это средние окна, боковые же назывались «волоковыми» — они задвигались дощатыми щитами, заволакивались.

Вход в церковь с южной стороны был устроен в прошлом веке. Первоначально вход был традиционно на западной стороне, где и сейчас сохранилась высоко поднятая над землей дверь. Когда-то к ней вела лестница на два восхода.

Колокольня, стоящая возле церкви с южной стороны, красивое и оригинальное сооружение. Обращает внимание шестигранная форма ее сруба (чаще возводились колокольни восьмигранные), а также, в отличие от церковного здания, прием рубки «в лапу», без выступающих концов — продуманный прием, чтобы подчеркнуть прямую линию граней. Соответственно каждой грани внутри колокольни стоят вертикальные столбы, которые на верхней площадке образуют пролеты звонницы. По центру колокольни проходит осевой столб, с которым связывается крест. В отличие от рубленого шатра церкви, шатер колокольни стропильной конструкции.

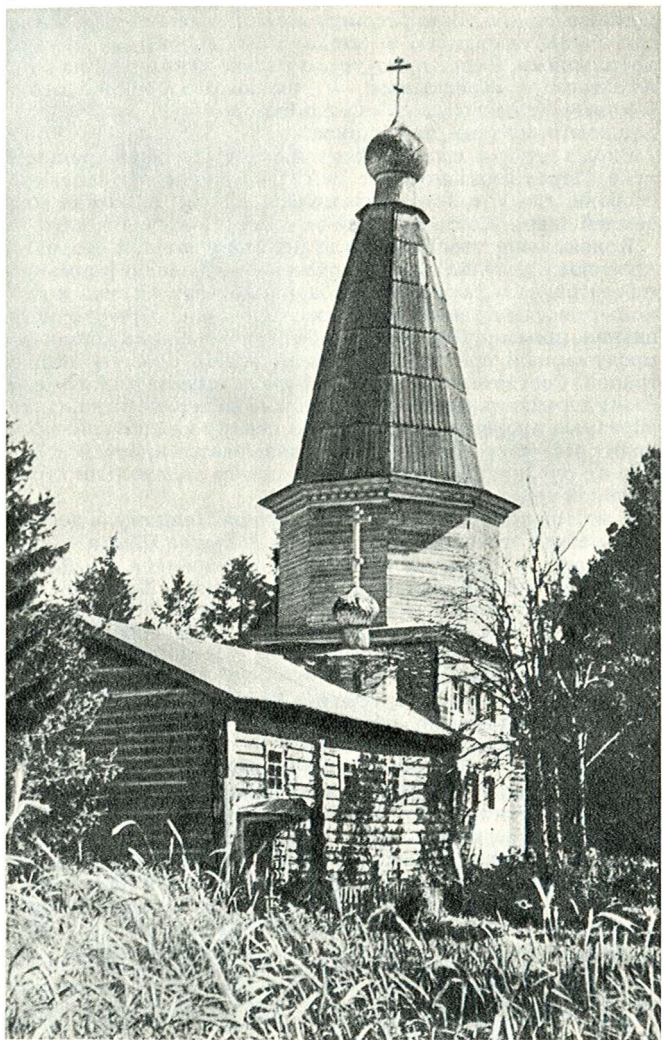
К востоку от Каргополя, по дороге на Няндому, в десяти километрах от города расположена Большая Шалга.

«Шалга» — название местности, означающее, по Далю, «большой вхожий лес», а также «дровосеку». Хороший лес здесь давно вырублен, по сторонам дороги — кустарник, чернолесье, в просветах открываются поля, деревеньки и, наконец, в удалении от дороги — шатер церкви среди деревьев на старом погосте.

Церковь Рождества Христова в Большой Шалге* (1745) в плане близко напоминает сауинскую, но художественный облик ее совершенно иной.

Уникальной постановкой шатра мастерам удалось достичь необычайной стройности сооружения. Соответственно этой задаче четверик и восьмерик сужены и вытянуты, грани же шатра необыкновенно круты, вверху восьмигранная пирамида резко усечена и из нее вырастает головка на шейке, кажущаяся несоразмерно тонкой по отношению к вершине усеченной пирамиды. Этот прием усиливает впечатление столпообразности здания, его монументальность. Линия граней шатра не прямая, а слегка вы-

* В старых изданиях — у И. Грабаря, М Красовского — эта церковь ошибочно названа «церковью в Малой Шалге», ошибочна и датировка. Существующая деревянная церковь в Малой Шалге (21 км от города) поздней постройки и иная по формам.

пуклая во внешнюю сторону. Нарушение это лишает сооружение геометрической сухости, придает живописность его силуэту. Золотистый от замшелости тес, шестью вертикальными рядами покрывающий шатер, и серебристый лемех главки дополняют это впечатление.

Внутри церкви сохранилось расписное «небо». Стоит церквушка среди поля в куче елей и лиственниц на старом погосте: замшелые кресты, могильные камни, усыпанные хвоей и шишками... Рядом каменная церковь XIX века с классическим портиком, отчасти напоминающая каргопольскую церковь Зосимы и Савватия. Но рядом с деревянной каменная, даже неплохая по формам, всегда проигрывает. В дереве таится какое-то живое очарование. Возле деревянной церкви можно пробыть и час, и другой, и третий — и все так же она ненасытно радует глаз и, возвращаясь полем на проезжую дорогу, все время будешь оглядываться назад и удивляться, как по мере удаления меняется ее силуэт, все более вытягиваясь и утонча-

*Церковь Рождества
Христова в Большой Шалге.
1745 г.*

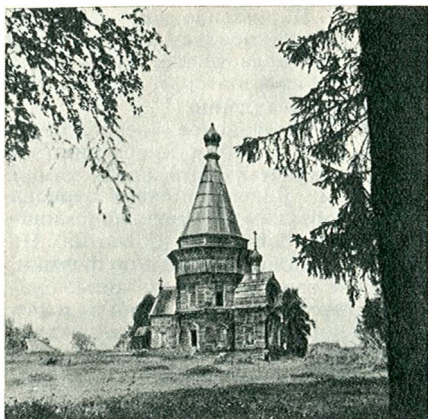
ясь, пока не мелькнет в последний раз за поворотом дороги.

Прекрасно! Но не менее прекрасное ждет нас впереди.

Отправимся теперь от Каргополя на запад по старому Пудоожскому тракту. Здесь в тридцати семи километрах от города находится село Лядины.

Места, по которым повезет нас автобус, называются «каргопольской сушью»: поля, леса и ни речки, ни ручейка. Равнинность и безводность здешних мест кажется непривычной для Севера.

Будет по пути маленькая деревенька Гринево, где живет и работает народная мастерица У. И. Бабкина. Вскоре покажется и большое село Печниково. Предполагают, что название его происходит от чудских «печищ», чудских поселений (о «чуди белоглазой», «поганых сыроядцах», первоначальных обитателях здешних мест упоминают некоторые исторические источники, как, например, житие Кирилла Челмогорского). Печниково и поныне сохраняет

*Церковь села Красная Ляга.
1655 г.*

облик старого северного села с рядом двухэтажных изб, украшенных резьбой по причелинам. Обращают на себя внимание старинные колодцы с огромными воротными колесами — вода здесь находится на значительной глубине. На всем Севере только в каргопольской суши и встретишь такие колодцы.

В шести километрах в сторону от Печникова находится село Красная Ляга (Шейна). Здесь на погосте стоит церковь XVII века (1655). К сожалению, памятник этот мало исследован и сведений о нем немного. Но он — один из интереснейших, относящихся к древнейшему типу восьмериковых шатровых церквей (как и церковь в селе Астафьево на Свида). Мощная стопа храмового сруба завершается прекрасным высоким шатром, из которого органично вырастает тонкая изящная шейка с главкой. С запада и востока — симметричные прирубы, перекрытые бочками, первый — притвор, второй — алтарь. Глубокой древностью веет от этих скупых, суровых форм. Такой предстает цер-

ковь на старой фотографии. В начале века облик памятника был совершенно искажен при ремонте. Были прорезаны огромные окна, заменено покрытие прирубов и все здание снизу доверху обшито тесом и изукрашено резьбой. Здание выглядит затейливо, в украшение его мастера-резчики внесли немало изобретательности, но усердие их оказалось некстати, прежде величавое сооружение превратилось в затейливую игрушку.

Вернемся в Печниково и продолжим наш путь в Лядины.

Край этот заселился давно, задолго до исторического упоминания о Каргополе. Первые поселенцы «садились на сыром корени», «где лес от века не пахан», вели подсечное земледелие. Выбиралось удобное место, поросшее невысоким смешанным лесом. На этом месте вырубался лес, который валился рядами, стлался «постелью». Его оставляли на год и затем поджигали. На палу, или огнище, распахивалась нива. Поначалу урожай был большой, но вскоре снижался. Тогда поле бросали, оставляли зарастать, а сами искали новых мест. Такое брошенное заросшее поле называлось лядиной (а также — лядо, лядина).

Отсюда, видимо, и произошло название села — Лядины.

В Лядинах на старом погосте находится целый архитектурный ансамбль: две церкви и колокольня. В подлинной дозорной книге по городу Каргополю (1648) говорится: «Волость Лядина, а в ней на погосте церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, да другая церковь страстотерпца Христова Георгия, строение приходных людей...». Однако церкви эти до нас не дошли, в XVIII веке они были заменены другими, существующими и поныне.

Шатровая Покровско-Власьевская церковь построена в 1761 году (по другим данным — в 1743 г.) Хотя на возведение шатровых храмов был наложен запрет еще с середины XVII века, но на Севере, в глуши, и в XVIII веке воздвигались многие шатровые храмы, в том числе и огромный лядинский. Покровская церковь поражает своими размерами — это величавые хоромы. Срубить такую махину могли только мастера, вооруженные многовековым опытом. Внешне — обычный тип шатрового храма «восьмерик на четверике», но увеличенный едва не вдвое, растянутый по боковому фасаду за счет прирубов — двухэтажной трапезной с притвором, алтарной апсиды, квадратной в плане, перекрытой массивной бочкой. Особенно величав шатер храма, едва ли не самый огромный среди сохранившихся шатровых сооружений Каргополья-Онеги, в ясную погоду он виден от Печникова. Храм огромен, но громадность его не давит, он соизмерим с человеком.

Ансамбль погоста села
Лядины. XVIII в.
Рис. И. В. Ткаченко

Интерьеры церкви также значительны по размерам. Здание, как мы сказали, двухэтажное. Внизу находилась Власьевская зимняя церковь с трапезной — сумрачное помещение с приземистым потолком. Верхнее помещение более просторное, облегченное. Как в верхней трапезной, так и в нижней мощный брус потолочной матицы поддерживается двумя резными столбами традиционной формы в виде поставленных друг на друга «дынек» с перехватами в виде жгутов.

Вдоль стен тянутся лавки с резными ножками и резной опшкой красивого волнистого профиля.

В верхней церкви сохранился резной позолоченный иконостас с иконами XVIII—XIX веков и расписное «небо». «Небо» двенадцатичастное. В центральном круге изображен бог-отец на престоле, в косяках — апостолы, архангелы, по четырем углам — трубящие ангелы. «Небо» всегда придает внутреннему помещению храма нарядность: алые, зеленые одеяния фигур на голубом фоне, позоло-

*Богоявленская церковь
в селе Лядины. 1793 г.*

та — все необычно, ярко, красочно, наполняет полутемный интерьер храма трепетным сиянием.

В иконостасе Покровской церкви было обнаружено несколько интересных икон, как, например, иконы праздничного чина XVI века (Архангельский музей), царские врата (Эрмитаж, Ленинград). Заслуживает упоминания икона св. Евстрафия XVI века (Архангельский музей). Сдержанная манера письма, плавность линий, мягкая моделировка лица, высветленные тона характеризуют это произведение. Здесь нет упрощенной композиции, контурности в обрисовке фигур, обычно определяющих «северные письма». Икона написана мастером-профессионалом, но безусловно местным, о чем свидетельствует манера наложения красок, некоторая плоскость изображения и общий лирический склад произведения.

В трапезной верхней церкви можно увидеть позднего письма иконы местночтимых святых и среди них основателей монастырей в Каргополье — Кирилла Челмогорского

Крыльцо Богоявленской церкви. Вид сверху

(XIV в.) и Александра Ошевенского (XV в.). Жития этих святых содержат ценный материал как для историка, так и для искусствоведа. Так, автор жития Кирилла Челмогорского Иоанн, священник Покровской церкви в Лядинах, живший в середине XVII века, в тексте жития называет себя «иереем изографом» и сообщает, что написал икону преподобного.

В житии Александра Ошевенского упоминается «иконописец Симеон именем с сыном Иваном». Все эти факты лишний раз свидетельствуют о том, что авторами «северных писем» были не только профессиональные иконописцы, но в большинстве случаев местные жители, клирики и крестьяне.

Вторая лядинская церковь — Богоявленская — очаровывает своей прихотливой живописностью. По времени она позже Покровской — 1793 года. Церковь эта — прекрасный пример неисчерпаемости форм деревянного зодчества.

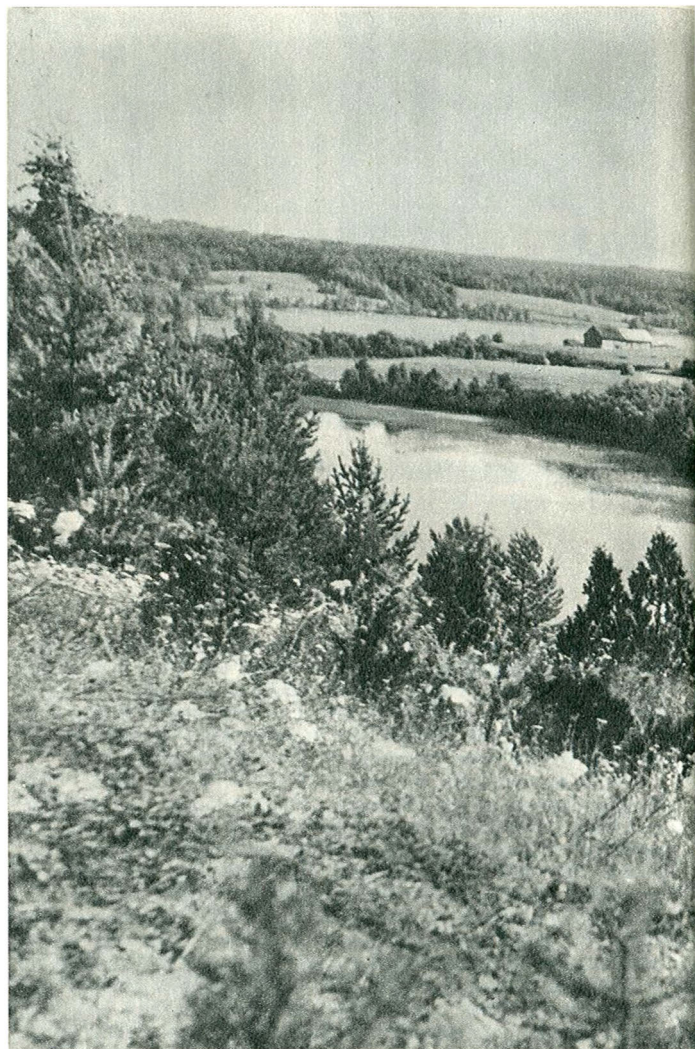
**Крыльцо Богоявленской
церкви**

Масельга. Вид с Хижгоры

Конструктивно здание очень просто: восьмерик на четверике с примыкающей трапезной, но все дело в том, как сумели распорядиться этими традиционными объемами мастера. Распорядились же превосходно: взяли и осыпали ее простой объем двенадцатью главками-шишечками, и стала церковь «преудивленной и преукрашенной».

Глядя на нее, нам вспоминается что-то знакомое — да, Покровская церковь в Кижях (1764). Сходство, разумеется, неполное, но в деревянном зодчестве мы вообще не знаем ни одного памятника, в точности повторяющего другой, даже если тот служит явным прототипом. В отличие от Кижской здесь на плоской восьмискатной кровле не девять, а только пять главков и стоят они не на восьмеричках, а бесхитростно вырастают из кровли. Найдены и свои оригинальные приемы: по углам четверика поставлено по маленькой главке, также и трехчастная апсида на одиннадцать граней имеет одну бочку над центральной апсидой, увенчанную главкой, над боковыми же апсидами изящные

главки поставлены на маленькие восьмерички. Затейливая разномасштабность двенадцати главок радует взор.

Но есть у Богоявленской церкви еще одна примечательность, неповторимая больше нигде в памятниках деревянного зодчества, — «круглое» крыльцо. Исследователи называют его «исключительным в древних деревянных церковных постройках» (В. Суслов).

Крыльцо имеет вид прислоненного к западной стене трапезной широкого растянутого тесового шатра, стоящего на резных столбиках, окруженных резными перильцами. С внешней стороны крыльцо имеет семь граней. Внутри крыльца между перильцами и лестницей — дощатый обход, гульбище. Пятигранная лестница в четырнадцать ступенек ведет к церковным дверям. Все это раскрашено — скромно, но изящно: лестница, перильца, столбики красным и синим. Внутри свод шатра изображает синее небо, усыпанное белыми звездами. Когда ходишь по крыльцу, по его скрипучим половицам, испытываешь радостное чувство сказочного, наслаждаешься подлинным артистизмом древодельцев (пусть это слово и редко применимо к деревянному зодчеству).

Крыльцо это — как народная песня, вписанная в древний церковный сборник. Сравнение это правомочно в той степени, что просторное крыльцо у церкви, «дома божьего», служило целям мирской жизни: здесь было пестро илюдно в дни больших праздников, здесь сходились сельчане, чинно раскланивались седобородые старики, обсуждали сельские дела и события, степенно шествовали отцы семейств с женами, лебединой походкой проплывали девушки в ярких сарафанах и кокошниках, шитых жемчугом, перешептывались, глядя на них, парни, резвилась детвора, сидя на ступеньках, тянули свои песни калики перехожие про Алексея, человека божьего, про Голубиную книгу... Картины давнего, забытого быта оживают здесь, и картины праздничные, потому что таков облик самого крыльца — оно радует глаз и веселит душу.

Третий памятник ансамбля — колокольня конца XVIII века. Она имеет вид стройной башни с шатровым завершением.

Колокольня срублена «в шап», «в лапу». Внутренняя конструкция ее обычна: восемь столбов, соответствующие граням, и центральный столб, проходящий через все сооружение до креста. В отличие от саунинской колокольни сруб основного массива — восьмерик — начинается не от земли, а имеет своеобразную подставку — четверик. Такой прием, довольно распространенный в сооружениях подоб-

ного типа, вызывался необходимостью, дабы опорные столбы колокольни не касались земли и не гнили. В нижнем ярусе — четверике — устраивалось небольшое помещение, обычно под склад церковной утвари.

Следует отметить еще одну примечательную деталь в окружающем Лядинский ансамбль деревенском пейзаже — пять старых амбарчиков, вытянувшихся с запада вдоль погоста. Сами по себе амбарчики предельно просты — обычные приземистые срубы, крытые на два ската, с широкими двустворчатыми дверьми, но они так живописно стоят рядом, один к другому, так дружно и просто, что без них картина Лядин была бы неполной.

Любители пеших путешествий могут из Лядин пройти на Лекшмозеро. (Попасть на Лекшмозеро можно и прямым самолетным рейсом из Каргополя). Край Лекшмозерский — край озерный — заслуживает отдельного рассказа, что, к сожалению, невыполнимо.

Но хоть коротко. Дотоле все была сушь да сушь, и вдруг — широкий водный простор, а дальше, к северу, озера следуют одно за другим и дорога ведет по узкой лесистой гряде — Масельге (что по-карельски означает «Земляная гора»), разделяющей сток вод бассейна Онежского озера и сток вод реки Онеги. Так и идти Масельгой к Хижгоре, самой высокой точке местности, где стоит церковь XVIII века не столько удивительной формы, сколько удивительно поставленная, прекрасно найденная в пейзаже. Дальше опять пойдет дорога вдоль озер, порой уходя в сырой лес. Все глуше будут места — но какой же привольности! — пока не придешь в Порженское. Тут уж совсем нестеровское: церквушка на пригорке, старые ели, гладь озера. На Порженском погосте сохраняется изумительной красоты памятник северного зодчества: церковь с клинчатой кровлей, очень небольшая, изящная, с прирубленной над входом живописной шатровой колоколенкой. Окружает погост рубленая деревянная ограда с раскрашенными воротами и башенками по углам.

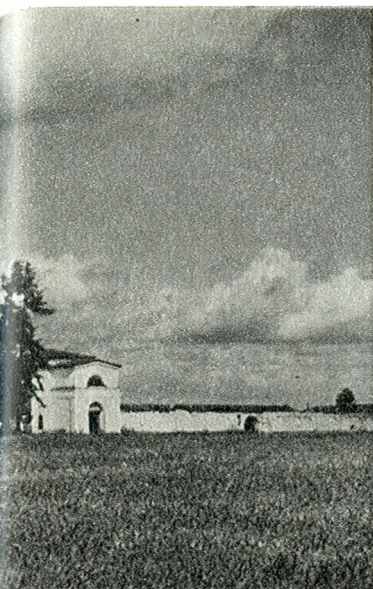
От Порженского остается десять километров до Кенозера, а с Кенозера можно вернуться на Онегу.

Нам же придется возвратиться в Каргополь и на автобусе отправиться теперь на северо-запад, в Ошевенское.

Снова долгое время мы будем ехать «сушью», а когда наконец покажется река, то и село будет называться, отмечая новую примечательность пейзажа, — Река. Дорога пойдет некоторое время вдоль реки, потом лесом. Будет она прямая как стрела и впереди, прямо по ее оси, далеко завиднеется белая монастырская колокольня.

Александро-Ошевенский монастырь — единственный из сохранившихся в каргопольской округе. Основан он иноком Александром Ошевнем в XV веке. Александр был крестьянским сыном, уроженцем белозерских пределов — с Вещозера, вблизи озера Воже. В юношеском возрасте он принял пострижение в Кирилло-Белозерском монастыре. По совету своего отца, переселившегося в каргопольские земли, пришел на реку Чурьюгу и здесь в сорока четырех верстах от города устроил пустынь на месте дикого леса. Уже и в то время, в XV веке, земли эти были отнюдь не безлюдны, принадлежали они новгородской боярыне Настасье. Эта боярыня выдала Никифору, отцу Александра, грамоту на заселение слободы и на владение окрестными угодьями. По всей видимости, предприимчивым богатым крестьянам, какими были отец и родственники Александра, представлялось не лишним иметь в своей слободе монастырь «на помин души». Но когда Александр постриг двух своих племянников, на него озлобились

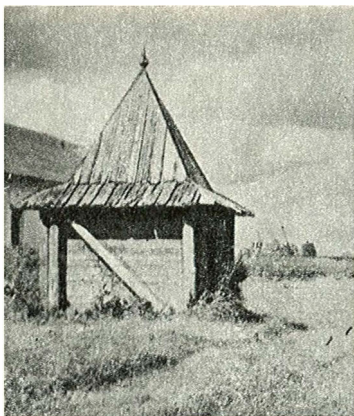

*Александро-Ошевенский
монастырь*

братья и отобрали своих детей. Житие дает портрет святого: он был среднего роста, лицом сух, борода небольшая, но густая, взор ясный и веселый, сам скромный и молчаливый, он страдал от тяжелой болезни и сравнительно рано умер.

Александровской обители не суждено было стать большим монастырем. Монастырь был деревянным (таким он изображен на «палатном письме» иконы Александра Ошевенского XVII века), неоднократно истреблялся пожарами. Каменные строения относятся к XVIII—XIX векам.

Монастырь расположен на левом берегу Чурьюги на невысоком береговом всхолмьи в окружении просторного окоема ошевенских полей. В плане он представляет почти ровный квадрат, обнесенный невысокой каменной стеной, местами разобранной, по углам четыре башенки — восьмерик на четверике с куполом и шпилем. Святые ворота, с примыкающим к ним настоятельским корпусом, построены в провинциально ампирином стиле.

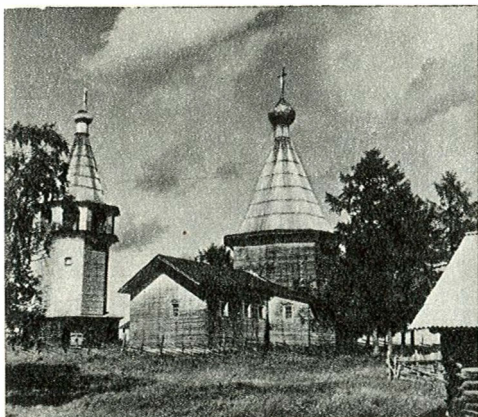

Надкладезная часовня

Самая старая постройка — Успенский собор 1707 года. Это невысокое приземистое здание, разделенное на два этажа, с Успенской церковью вверху и Сретенской внизу. С запада к зданию примыкает монастырская колокольня. Собор, к сожалению, плохо сохранился и сейчас находится в процессе реставрации. Сложен он из белого камня — материала, которым так умело владели каргопольские мастера. Следы их искусства видны и сейчас в украшении двух спаренных оконц четверика колокольни.

Необыкновенно хороша надкладезная часовенка — небольшой сруб над глубоким колодцем с чистой родниковой водой. Живописна замшелая кровля ее четырехскатного шатерчика с широкими полницами. Она тоже поздняя, но в ней, пожалуй, в единственной живет дух седой древности.

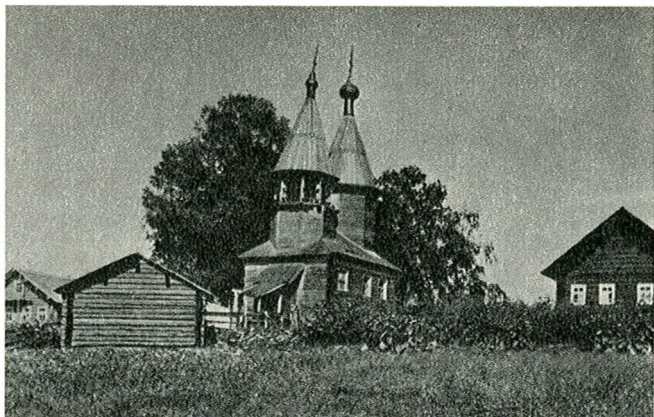
Монастырь стоит на отшибе, в удалении от жилья. Как видим, в нем нет подлинных архитектурных достопримечательностей, но весь ансамбль в целом достоин внимания

*Богоявленская церковь
в деревне Погост. 1787 г.*

как памятник прошлого каргопольской земли. Отраднo бродить по его площади, поросшей зеленой травой, в тени старых деревьев — лиственниц, елей, берез и чувствовать себя исследователем незнакомого, забытого быта. Здесь все маленькое, камерное: садик со старыми яблонями, деревянные домики служб, обветшалые корпуса келий. В проемы полуразрушенных стен открываются виды на просторную, людно заселенную ошевенскую округу, давняя история которой начиналась здесь, в монастыре «на реке на Чурьюге, иже зовется Ошевнев, близ моря дышущаго океана, во области града Каргополя».

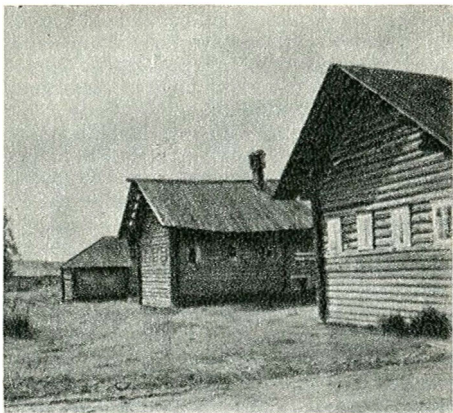
Само село Ошевенское далеко вытянулось за мостом вдоль дороги по правому берегу мелководной каменистой Чурьюги. Село состоит из трех близко сходящихся деревень — Погост, Ширяиха и Низ. Название первой деревни понятно — здесь находится старый погост с древними каменными замшелыми плитами, и на погосте — деревянная церковь с колокольней.

*Часовня в деревне
Низ. XIX в.*

Церковь Богоявления датируется 1787 годом, но облик ее — приземистая башня-восьмерик, крытая шатром, — говорит о том, что церковь эта повторяет формы более древней, стоявшей на том же месте. На Севере часто возобновляли древние обветшалые церковные постройки, создавая их близкую копию. Копия, по всей видимости, удачная — грузная стопа с могучим шатром производит суровое величественное впечатление, характерное для памятников подобного типа.

И в этом сооружении плотники-умельцы отказались от принципа симметрии и расположили прирубы так, как подсказывало им художественное чутье. Апсида, крытая на три ската, с двумя главками, в плане не симметрична оси храма, а сдвинута в северную сторону. С южной же стороны трапезной далеко за линию грани восьмерика выступает придел с главкой на кровле. Как везде в деревянном зодчестве, главное здесь живописность, игра объемов — и это достигнуто. Здание лишено однообразия, оно

*Курная изба в деревне
Погост. Начало XIX в.*

по-разному смотрится с разных сторон, фасады не повторяют друг друга: с севера здание обводит ломаная вогнутая линия, с юга — выпуклая. Прекрасно дополняет памятник сама природа — старые лиственницы и березы.

Колокольня, стоящая возле, во многом напоминает виденную нами в Лядинах: низкий четверик, высокий восьмерик, пролеты звона и шатер с главкой.

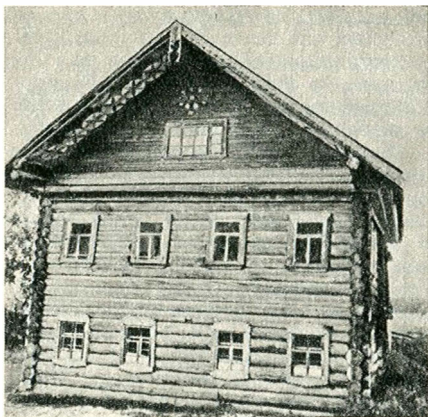
Другой интересный памятник находится в деревне Низ — оригинальной формы часовня XIX века. Это небольшое клетское сооружение, из кровли которого вытягиваются два стройных восьмерика, увенчанные шатрами. Верх западного восьмерика раскрыт под звон — это колоколенка. Стоят себе два шатерчика рядом, один побольше, другой поуже, с меньшей главкой — у колоколенки и радуют взор своими стройными формами. Двухшатровый силуэт часовни красиво оживляет деревенскую околицу. Любопытная деталь — у крыльца, заменяя порог, лежит большая каменная плита.

В таком большом старом северном селе, как Ошевенское, всегда можно найти немало интересных изб, и на этой стороне деревянного зодчества надо остановиться. Обратимся к одному из гражданских памятников — специально сохраненной в деревне Погост курной избе.

Изба эта постройки, предположительно, начала прошлого века. По внешнему виду она почти ничем не отличается от общего типа четырехстенка*, распространенного в здешних местах и по всей верхней Онеге. Мы и избираем ее в силу типичности. Дом стоит на высоком подклете с четырьмя окнами по фасаду, только вместо кирпичной трубы здесь дощатый дымник. Дымники обычно украшались резьбой. Они всегда крупнее и выше обычной печной трубы, и по ним еще издали можно отличить курную избу.

Войдем в дом (он нежилой) и поднимемся по крутой лестнице в сени. Из просторных, как всегда на Севере, сеней, называемых «мостом», дверь ведет в собственно избу, то есть жилое помещение с печью. В избе до сих пор хранится запах дыма, въевшийся в прокопченные бревна. Справа от входа — печь, над ней волоковое отверстие для выхода дыма. Большая русская печь сокращает площадь избы едва ли не на четверть. Площадь избы имеет значительные размеры (примерно 8,5x10,5 м) по трем фасадам ее девять окон, причем окна главного фасада смотрят на юг, так что в помещении достаточно света. Вдоль стен сделаны широкие лавки с резной опушкой. Левый дальний угол от входа назывался «красным», здесь в божнице стояли иконы, а под ними обеденный стол. Спали на полатах, устроенных над входом между печью и стеной (сохранились вырубыв в бревнах восточной стены). Дощатая перегородка, не доходящая до потолка, отделяла запечное помещение стряпушечьей. Обычно переборка устраивалась в виде расписных шкафчиков, где хранилась посуда. В стряпушечьей возле печи находился люк, ведущий в подпол. Потолок в избе низкий. Его доски поддерживают три мощных прокопченных бревна. Вдоль стен над лавками, примерно на высоте человеческого роста, идут полки, устроенные с таким расчетом, что они играют роль отбивного козырька — ниже их дым при правильной топке печи не распространялся. Следует заметить, что представление о черной, «рудной» избе как о грязном закопченном помещении далеко не соответствует действительности.

* Четырехстенка — изба в четыре стены. Если изба перегораживается бревенчатой стеной, получается пятистенка. Бывают и шестистенки.

*Дом Ушакова в деревне
Ширяихе. XIX в.*

В сенях напротив дверей в избу дверь в другое жилое помещение — боковушу или горницу. В нем два окна, и оно значительно меньших размеров (7х5,3 м). Здесь жили в летнее время. Между боковушей и другим полутемным помещением с маленьким оконцем — чуланом — идет из сеней коридор на сенник — крытый двор, где хранилось сено, стояли телеги, сани. Сени такого плана, как здесь, встарь назывались «хоботистыми» (то есть от них отходит коридор «хоботом», говорилось: «из сеней хоботистых ход на сарай колесистый»).

Внизу под избой находится темное помещение — подъизбица или подклет — для хранения различной утвари и продуктов. Нижние помещения под боковушей и чуланом использовались для содержания мелкого скота.

Когда мы выйдем наружу, то увидим, что по боковому фасаду здание составлено из двух пригнанных друг к другу срубов: четырехстенный сруб избы и пятистенный сруб

подсобных помещений, включая сени, боковушу и прочее. Боковые фасады у северных изб всегда вытянутые. Прежде боковой фасад этой курной избы был едва ли не в два раза длиннее за счет третьего сруба (ныне разобранного) — крытого двора. В нижнем дворе содержались кони, крупный рогатый скот, на верхний, в сенник, вел бревенчатый помост — взвоз. Стоит пройти немного дальше по деревне, и мы увидим такие огромные, вытянутые по боковым фасадам дома-корабли.

Облик севернорусской избы прост: ритм рядов серых бревен, оживляемый оконными проемами, двухскатная тесовая крыша. Красота избы, как и любого творения деревянного зодчества — церкви, часовни, — в его завершении, кровле, а также в крыльце. В избе наибольшее значение имеет украшение фронтона. Карниз избы обычно устраивался далеко нависающим над фасадом, делалось это не только для защиты от осадков, но и из эстетических соображений. Особенную красоту фронтоны придавали резные доски — причелины, закрывающие концы продольных слег кровли. Причелины оканчиваются резными концами — полотенцами. С вершины угла фронтона спускается доска — ветреница, заканчивающаяся резным деревянным украшением в виде «солнца». С внутренней стороны карниз обшивался досками и расписывался. Иногда обшивался и расписывался весь фронтон.

В центре села Ширяихе стоит красивый старый дом Ушакова. Дом этот двухэтажный, «двужирный», как говорили встарь. В целом план его типичен для северных изб, лишь увеличен за счет подсобных помещений. Дом некогда принадлежал зажиточному хозяину и был отделан на особицу. Фронтон украшен резными причелинами, карниз изнутри обшит и расписан орнаментом в виде белых кругов с крестом. Фронтон обшит тесом и выкрашен в зеленый цвет. На нем по бокам слухового окна изображены «лютые звери» — лев и львица, из пастей которых выходят цепочки, сходящиеся в розовом кусту над окном. Ни роз, ни львов на Севере нет, но подобные экзотические мотивы возникли далеко не случайно — в них отголоски давних времен. Лютые звери — языческие обереги, своим страшным видом отпугивающие зло. На амулетах, находимых при раскопках, обереги изображаются обычно в виде хищных зверей и птиц, либо зубов или когтей. Точно так же изображение зверей на жилище должно было, по языческим представлениям, отводить от дома беды и напасти. Со временем магический смысл изображения был забыт, так же как и значение солярного знака — резного солнца на

фронтах северных изб, ставшего одним из элементов декора.

Немало интересных домов можно увидеть не только в самом Ошевенском, но и в соседних селах — Большом и Малом Халуях. Есть здесь старые курные избы, сохраняемые как музейная редкость, и красивые дома, как, например, дом Кожевникова в Малом Халуе. Славятся Халуи и своими мастерами, плетущими из бересты различные короба, солоницы, коробочки.

Ошевенская округа таит в себе много достопримечательного. Мы сказали далеко не обо всем. Отсюда старой дорогой через лес, минуя Важреку и брошенную деревню, далее мимо Важозера можно попасть на Кенозеро в Ряпусово (35 км), с Ошевского также можно выйти на Онегу в село Архангело (21 км) и продолжить экскурсию по памятникам Онежского края. Стоит порекомендовать эти маршруты любителям пеших путешествий. Нам же придется еще раз вернуться в Каргополь и, попрощавшись с этим славным городком, отправиться вниз по Онеге к Белому морю.

4. Верхняя Онега

Плывя Онегою, вы будете иметь случай налюбоваться прекрасными берегами реки, надышаться чистейшим ароматическим воздухом, упиться, так сказать, прелестью безыскусственной, но чистой и опрятной природы...

*С. П. Корблев,
Этнографический и географический очерк г. Каргополя*

То, что мы видели — белокаменные памятники Каргополя и деревянные церкви его окрестностей,— прекрасно, но это только часть того, что нам предстоит увидеть. В пути самое интересное — всегда впереди. А впереди у нас четырехсоткилометровый путь по Онеге.

Путь этот не простой. Онега — река своенравная, быстрая, порожистая, судоходство есть только в нижнем течении. Увлекательно и азартно отправиться вниз по течению на лодке, но такой путь представляет скорее спортивно-туристический интерес. Как ни заманчиво любоваться берегами реки, проплывая мимо них, мы все же предлагаем путешествующим самый простой и в данном случае наиболее удобный вид транспорта — автобус.

Итак, вы садитесь в автобус и следуете сначала в Волосово, а затем и дальше по указанным пунктам. Мы же для удобства изложения будем придерживаться реки и ее течения.

За Каргополем Онега поначалу тихая и широкая, в низких сырых, лесистых берегах. Новскоре, за деревней Надпорожский погост картина меняется — начинаются пороги, река становится извилистой, узкой, в голых высоких берегах. Так тридцать километров клокочет, бурлит Онега, вздымается валами на многочисленных порогах, из которых самый большой носит устрашающее название «Мертвая голова».

По берегам реки стоят деревеньки, выстроились на пригорке избы, смотрят окнами на стремительно бегущие воды. Небольшие поля в окружении чахлых лесов. Кро-

хотные луговины, обнесенные изгородью. Узенькие тропинки вдоль берега, по ним чинно в рядок бредут кони. Только своенравная река оживляет однообразие картин... Пейзаж слишком скуп, ему словно не хватает чего-то, какого-то акцента, звучной ноты...

Но вот Онега, закончив свой разбег, за устьем реки Волошки притихла, успокоилась, легла спокойными плесами и тогда, как итог, как завершение пройденному пути, который только подводил нас к чему-то главному, среди живописных лесных берегов возник силуэт шатра — заключительный аккорд в музыкальной теме северного пейзажа.

Впереди Волосово — старое село на онежском тракте (44 км от Каргополя). Древняя церковь стоит на погосте при деревне Петуховской несколько в стороне от проезжей дороги, у самого берега Онеги.

Шатровая Никольская церковь датируется 1670 годом. Она почти ровесница саунинской и в очертаниях походит на нее, но превосходит своими размерами.

Шатровые церкви невозможно воспринимать изолированно, вне природного окружения. Ведь формы их традиционны, обычно восьмерик на четверике, разнообразие в пропорциональном соотношении конструктивных элементов. Не сразу уловишь, в чем обаяние этих сооружений. Но когда над берегом возникнут кресты-голубцы старого кладбища и вершина шатра, а затем перед вами предстанет и вся церковь в своем суровом величии, и вы окинете взором всю открывшуюся округу: дома небольшой деревеньки в отдалении, надвинувшиеся леса, торопливые воды реки, нависшее небо, — вы ощутите эпическую силу этого творения онежских плотников.

По своему силуэту шатер церкви — один из красивейших, несмотря на искажающую его позднейшую обшивку кровельным железом. Соразмерной величины квадратная в плане апсида перекрыта крупной бочкой с главкой. Трапезная прирублена с запада строго по продольной оси плана. На коньке кровли трапезной поставлен небольшой восьмерик с главкой. В более позднее время окна храма были значительно расширены, само здание обшито тесом, приставлены фальшивые портики по северному и южному фасадам четверика.

До сих пор многие памятники деревянного зодчества на Севере сохраняют позднейшую обшивку. Деревянному сооружению старались придать вид каменного: тес, обшивающий стены, белился, повал превращался в обыкновенный карниз, шатер и главка обивались листовым железом.

Хотя в украшении здания северные плотники порой проявляли немало изобретательности (как видели мы в Красной Ляге), чужеродные мотивы нарушали органичность бревенчатого строения.

Внутри Никольской церкви сохранялся старый тьябловый иконостас, расписанный травным орнаментом. Из церкви села Волосово происходит несколько интересных художественных памятников, относимых к местной каргопольской школе. Особенно хорош «Деисусный чин» XVI века. Изящные фигуры Христа и стоящих по бокам Богоматери, Иоанна Предтечи, архангелов, апостолов и святых расположены на золотом фоне по вытянутому формату небольшой доски. Письмо тонкое, близкое к миниатюрному, говорящее о руке опытного мастера. «Примитива», обычно отождествляемого с понятием «северных писем», здесь нет. Здесь есть плавность, пожалуй, лиричность в обрисовке фигур, присущая искусству Севера народность. Благородный травной орнамент обрамляет поля иконы.

*Никольская церковь
в селе Волосове. 1670 г.*

Волосовский «Деисус» имеет несомненное стилистическое сходство с «Деисусом» конца XVI века в ГТГ (из быв. собрания Остроухова).

В Волосове обнаружена и другая икона XVI века — «Илья Пророк в пустыне». Сюжет этот часто встречается в «северных письмах». Вполне понятно его распространение на Севере в XV—XVI веках, когда отшельники основывали в глухих местах свои «пустыни». В этой иконе художник стремился передать ощущение уединенности, отрешенности человека от мира. Мы видим старца, сидящего среди плоских фантастических лещадных гор. Два деревца по бокам символизируют лес, голубая полоска у ног — водный поток. Фигура Ильи очерчена мягким овалом. Поднятая рука пророка как бы останавливает шум, призывает к благому молчанию. И одежды Ильи и горки написаны в золотисто-желтых тонах, а фон и опушка иконы цвета свежей зелени. Мягкий колорит произведения под стать цветам неяркой северной природы.

Из церкви села Волосово происходит и редко встречаемое в искусстве Древней Руси скульптурное изображение. Это деревянная, резная, раскрашенная, почти в рост человека фигура Николы Можайского XVI века (Архангельский музей). Святой изображен в облике крестьянина, словно моделью резчику служил кто-либо из его односельчан. У Николы простодушное выражение лица, окладистая борода. По бокам ковчега со скульптурой — расписные створки с изображениями Бориса и Глеба.

Село Волосово известно также в истории Поонежья как одно из раскольничьих «гнезд». Здесь произошло одно из последних самосожжений раскольников в 1860 году.

Но отправимся дальше по спокойным плесам Онеги, мимо небольших деревенок, среди зеленых крутых берегов. Следующий наш пункт — Архангело (56 км от Каргополя). Здесь на окраине села стоят две церкви оригинальной формы.

Одна из них — Сретенская (1715) — представляет собой массивный четверик, покрытый так называемым «кубом», кровля которого увенчана пятью главами. Церкви с подобным покрытием называются «кубоватыми» или «кубастыми» и встречаются только в онежском крае — по реке Онеге и по онежскому берегу Белого моря. Это оригинальное, ни с чем не сравнимое покрытие имеет в профиль вид огромной луковицы, вытягивающейся в центральную главу, по ребрам четырехгранного покрытия обычно ставится еще по главке. Подобно тому как форма «бочки», которыми перекрываются алтари церквей, происходит из двускатной кровли, сведенной к криволинейному профилю, форма «куба» происходит из четырехскатной кровли. Форма эта давняя в деревянном зодчестве, однако кубоватых церквей ранее середины XVI века до нас не дошло.

Архангеловская церковь, как мы знаем, не ранняя, но в ее грузных, суровых формах есть нечто архаичное. Сравнительно невысокий, крупный четверик и мощный куб. Апсида приземистая, пятигранная, почти во всю ширину стены четверика, перекрытая бочкой без главки. С запада примыкает небольшой притвор. Все формы просты, четки и суровы.

Другая церковь более позднего времени принадлежит к типу так называемых ярусных храмов. На основном четверике сооружен другой четверик всего в несколько венцов и значительно меньших размеров, на котором поставлен восьмерик. Покрытие в виде купола-шлема с главкой. По всей видимости, первоначальное покрытие церкви было иным.

Прежде старый погост окружала ограда из дикого камня, местами сохранившаяся и поныне.

У села Архангело тракт переходит реку и идет в стороне от нее. Онега же здесь делает крутую излучину, склоняясь к западу. Обычно туристы, не задерживаясь, отправляются автобусом из Архангело в Конеево. Но стоит задержаться и проследовать дальше по течению реки.

Онега — река обжитая. Вдоль реки идет тракт, тот, по которому в давние времена возили каргопольцы соль. Часты села и деревни. Редко где лес подходит к реке. Берега высокие, пожни небольшие. Хорошие леса давно вырублены (лесной промысел на Онеге начат в XVIII веке). Только пороги и быстрины оживляют течение Онеги. На поворотах реки фарватер огорожен бонами, как на всякой сплавной реке.

Но там, где тракт отходит в сторону от реки, места становятся глуше, лес вплотную подступает к воде и весело плыть быстрой неширокой рекой в зеленом коридоре,

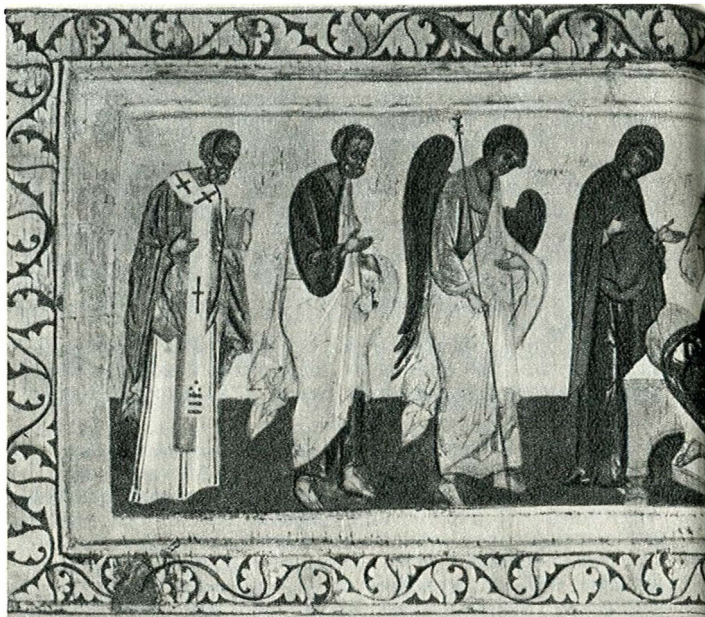
*Чин деисусный из села
Волосово. XVI в.
Государственный Русский
музей
→*

когда тень от деревьев падает на всю реку, а впереди в солнечном просвете играет речное серебро. Чем ближе, тем явственнее трепетание серебра, доносится шум порога, виден высокий берег, деревня и шатер церковки над зеленой кручей.

Это церковь Архистратига Михаила (конец XVIII в.) в деревне Никольской. В более позднее время церковь была превращена в часовню.

Редко встретишь памятник столь удачно поставленный. Красива сама окрестность, в которой выбрана единственно необходимая точка. Часовня стоит на высоком берегу, который зеленым холмом круто спадает к реке. По берегу и по скату холма живописно расставленные самой природой лежат огромные замшелые валуны. Холм — величественный природный пьедестал памятнику зодчества.

Объем самой часовни прост и выразителен. Широкий приземистый четверик, крупный восьмерик с необычайно крутым красивым повалом, широкий, хочется сказать,

коренастый шатер, вытянутая толстая шейка, обитая лемехом, и маковка. Необычайно нарядно выглядит завершение здания. Крутой повал дает возможность далеко выпустить концы полиц с резным окончанием. Их узорчатая линия повторяется в четырех волнистых поясках на шатре, образуемых разными концами тесин. У основания шейки главки и под самой главкой идут обломы — резной тес с копьевидным окончанием, окружающий шейку главки венчиком. Шейка в чешуйчатом обивании лемехом дополняет узорчатый ритм шатра. Лемехом была крыта и главка (позднее обшита листовым железом).

Узорчатый живописный вид шатра дополняет звонница, возведенная над притвором часовни. Она имеет веселый вид сказочного теремного крылечка, крытого четырехскатным шатерчиком на резных столбиках. Звонница еще более усиливает впечатление нарядности здания как своим затейливым видом, так и росписью в народном стиле по карнизу, столбикам, доскам перильного ограждения.

И, наконец, что придает часовне необычайно торжественный вид,— ее высокое крыльцо, сложенное из гладко отесанных белых известняковых плит. У небольшой церкви-часовни да каменное крыльцо,— пожалуй, такого нигде больше не встретишь! Хотелось жившим здесь людям, чтобы церковь у них была на особицу, чтобы смотреть на нее было радостно.

Стоишь возле нее, обходишь с разных сторон, любишься, окидываешь взором лесные дали, небольшие пожни, быстротекущие воды, слушаешь глухую ворчню старика-порога и думаешь, что вот это все и есть та «сказка Севера», за которой ты ехал в эти края.

Памятник деревянного зодчества живет не только в неразрывной слитности с природой, столь же неотторжим он и от соседнего деревенского окружения. Давно замечено исследователями, что красивые дома чаще встречаются в тех селах и деревнях, где стоят красивые церкви и часовни. Не станем доказывать, что красота древнего памятника

*Икона Ильи Пророка
из села Волосово. XVI в.
Государственный Русский
музей*

благоотворно воздействует на вкусы людей. Не станем приводить и многочисленные примеры. Достаточно указать на то же Никольское.

Здесь, недалеко от церкви-часовни (по северную сторону), стоит старый дом, сложенный из таких же отборных бревен, какие употреблялись в церковном строительстве. Внешне дом типичен для распространенного на Онеге четырехстенка, с высоким подклетом, с четырьмя окнами по фасаду. Но обратите внимание на крыльцо с балкончиком, оживляющее его суровый облик. Балкончик изукрашен в народном северном стиле: на фронтовой доске изображен лев и гроздь винограда (схожий мотив мы уже встречали в Ошевенском), доски ограждения расписаны пышными цветами (со временем, конечно, краски выцвели). Нарядностью своей он переключается с теремком-звонницей стоящей рядом часовни.

Ниже Никольского по берегам Онеги нам встретится немало скромных, простеньких часовенок поздней

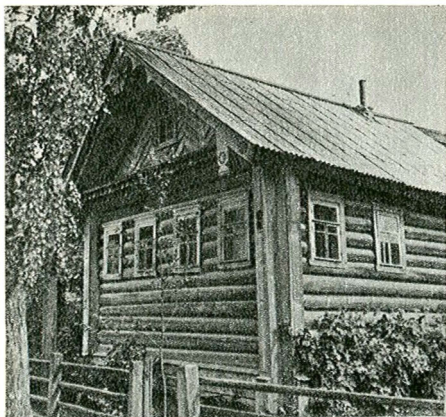

*Сретенская церковь
села Архангело. 1715 г.*

постройки. Наиболее простой тип — клетская часовня. Это обычный сруб, то есть клеть с двускатной кровлей. От простого хозяйственного строения — амбарной клетки — часовенку отличает только тоненькая маленькая главка с крестом, изящно прорезающая ее кровлю. Несколько более усложненный тип представляет часовенка квадратная в плане, крытая тесовой крышей на четыре ската с главкой наверху, — мы увидим ее в деревне Прислониха ниже Никольского. Еще одной разновидностью клетской часовни будет часовня с клинчатой кровлей, как, например, в селе Коневе.

Коневе — большое и оживленное село, далеко вытянувшееся вдоль правого берега Онеги. Хотя по административному делению это село, но скорее его следует считать небольшим городком, как и везде на Севере, живущим заботами лесной промышленности. Село растет в длину вдоль Онеги, строятся новые дома. Примечательно, что многие новые дома сохраняют традиционное северное

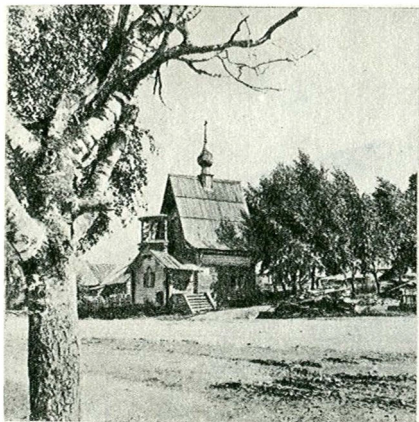
*Церковь
Архистратига Михаила
в деревне Никольское.
Конец XVIII в.*

*Село Конеево.
Жилой дом. XX в.*

убранство жилищ. Приятно идти по дощатым мосткам-тротуарам села, рассматривая резные «солнца» на фронтонах изб — двенадцати-шестнадцатилучевые — тонкие кружева, вырезанные из дерева, резные причелины, полотенца. Карнизы домов выкрашены белыми и синими полосами, в овалах нарисованы цветы в горшках или чарки. Однообразие мотивов заставляет предположить, что эти росписи — дело рук одного местного умельца. Страсть к украшательству жилищ, как и искусство резьбы, северянами не потеряна.

Единственным памятником старины в Конееве, но памятником прекрасным, является часовня XVIII века. Сама по себе очень небольшая, компактная, она стремительно взлетает ввысь острым щипцом своей кровли. Остроугольная в профиле крыша значительно превосходит высоту самой клетки. Сруб часовни с очень крутым повалом, на котором лежат полицы, резко переламывающие скат кровли. По коньку идет резной волнистый узор. Конек проре-

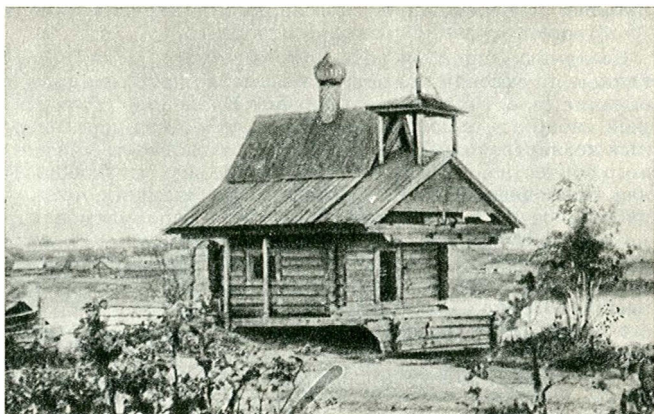

*Часовня в селе Конево.
XVIII в.*

зает маленький четверичок, на котором стоит чешуйчатая главка. Щипцевидные фронтоны украшены резными причелинами, которые, как и на избах, оканчиваются резными полотенцами. Естественно, что на часовне, культовом сооружении, узор более строг и сдержан, но, как и в украшении домов, не забыта резная доска — ветреница, закрывающая стык причелин на щипце фронтона, оканчивающаяся небольшим резным солнцем.

С западной стороны к часовне примыкает небольшой притвор с устроенной над ним звонницей. Звонница имеет вид шестигранной вышки, стоящей на двускатной кровле. Резные столбики поддерживают шлемовидную кровлю. Подобно звоннице-теремку часовни в деревне Никольской, звонница коневской часовни была щедро расписана (роспись выцвела).

Напротив Конева, через реку, в деревне Авдотьино находится другая интересная часовня XIX века, тоже клетского типа. Кровля ее с небольшим верхним клином, переломан-

Часовня
в деревне Авдотьино.
XIX в.

ным очень широкими полницами. Полницы далеко выступают в обе стороны, выполняя роль навеса над крытой галереей — гульбищем, с трех сторон обводящей часовню. Гульбище устроено на выпускных бревнах в нижней части сруба. Кровлю над галереей поддерживают резные столбики. В конек, без всякого промежуточного четверика, врезана главка, обшитая лемехом. С запада над входом сооружена крохотная звонница.

Часовня эта, ныне все более и более ветшающая (она не взята на государственную охрану), когда-то имела веселый, нарядный вид. Она стоит на красном месте над крутизной берега, а внизу Онега играет серебром на коневском перекате...

От Авдотьино, пройдя около пяти километров луговой тропинкой вниз по реке (либо проплывя их в лодке), мы попадем в старое онежское село Бережную Дуброву. Село это упоминается в Писцовой книге 1622 года в описании Устьмошского стана Каргопольского уезда: «...волость

Дуброва на Бережная, а в ней на погосте церковь Никола Чудотворец, строение приходных людей...»

Нескучная дорога — река, луговые кусты, поля, распашанные по склонам холмов, — незаметно приблизишься к окраине села. На окраине в деревне Кузнецово стоит старый амбар с предместьем и навесом, типичный для северных хозяйственных построек, как и все творения деревянного зодчества, срубленный с большим вкусом. Любопытная природная достопримечательность здешних мест — небольшое овальное озерко, непрерывно наполняемое родниками, выбегающими из-под холма. Тут даже не родники, а целая подземная речка, которая просачивается отовсюду, глухо журчит под землей. Удивительно это озерко необыкновенной, идеально-чистой, ледяной воды. На дне его лежат пепельно-седые водоросли, цвет дна синевато-серый.

Переполняющая озеро-резервуар вода сбегает вниз и здесь, на сливе, стоит мельничка, дальше вода устремляется по длинному дощатому желобу на сваях к другой мельничке, пониже. Родников здесь в изобилии и возле них устроены баньки.

Но вот перед нами архитектурное чудо — бережнодубровская девятиглавая церковь 1678 года. Мы заметили ее еще издали, и чем ближе, тем ощутимее становилась ее величественность. Первое, что ощущаешь, подойдя вблизи, — ее высоту, ее массивность. Она именно решена в объеме. Объем ее — скульптурная группа глав на высоком постаменте. Постамент — огромный четверик с крутым повалом. Красота здания в его кубоватом завершении, осыпанном ворохом главок-шишек. Сама по себе конструкция завершения проста, хотя зрительно создается впечатление причудливого нагромождения. Куб (вспомним церковь села Архангело) крест-накрест прорезан двумя пересекающимися бочками. Четыре главы ставятся по ребрам куба, четыре других — на бочках, центральная, венчающая, самая крупная глава приподнята на четверик, еще более возвышающий ее над всеми. Композиционно оглавление храма заключено в равносторонний треугольник. Это хорошо ощутимо, если смотреть с берега, откуда виден только верх храма. Красиво смотрится девятиглавие и сквозь окружающие церковь старые ели — чешуйчатые главки, островерхий силуэт; архитектурные формы перекликаются с формами живой природы. Приходится только пожалеть, что в позднее время куб был обшит железом — тесовая замшелая кровля, серебристое сверкание лемеха придавали бы зданию еще большую живописность.

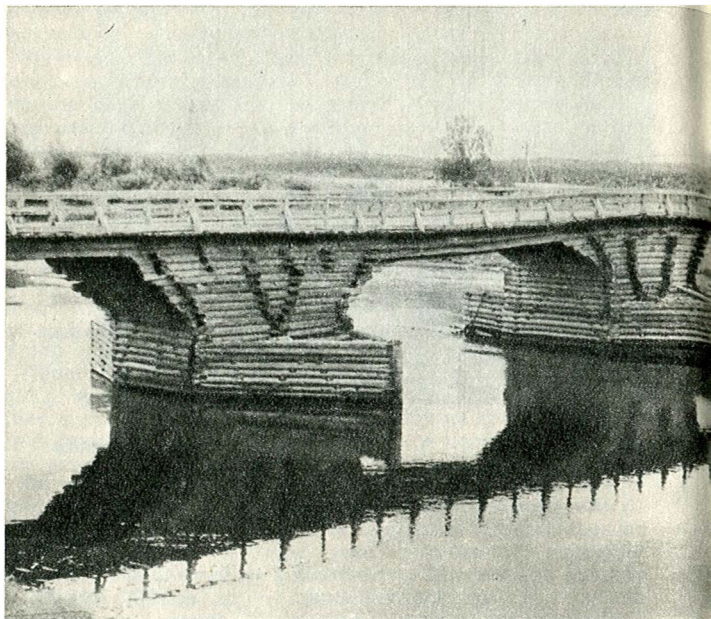
*Церковь села Бережная
Дуброва. 1678 г.*

Мощному объему поставца-четверика соответствует крупная пятигранная апсида, покрытая широкой грузной бочкой. Прежде бочка была увенчана главкой (таким образом, храм был десятиглавым).

Высоко вверху по карнизу храма лентой протянута надпись:

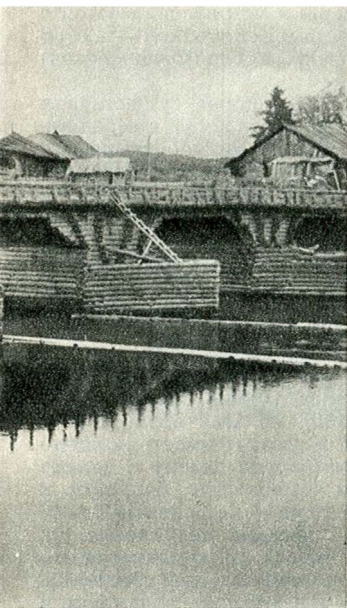
«Сей храм обшит тесом и выкрашен, а внутри церкви украшен иконостасом в лето 1882 года от благодарных к памяти своим предкам и славе имени божия бережно дубровских прихожан усердием своим и средствами в память 200-летнего юбилея храма 1678—1878 годах».

В XIX веке с запада к храму была пристроена церковь, соединенная с ним переходом. Перестройка излишне растянула боковой фасад по горизонтали. Некогда был в Бережной Дуброве и другой интересный памятник XVI—XVII веков — каменная церковь, местный вариант каргопольских кубических храмов. Сейчас на этом месте — куча щебня.

Когда смотришь на храм, невольно приходит на ум сравнение его многоглавия с прославленными Кижами. Действительно, двадцатидвухглавая Преображенская церковь в своем роде классическое завершение развития древнерусского деревянного зодчества. Бережнодубровская церковь — некий этап в развитии типа многоглавого храма. Любопытно, что форма многоглавия встречается нами в одном определенном районе Севера — Озерном крае. Так двенадцатиглавая церковь в Лядинах стоит недалеко от Лекшмозера, а Бережнодубровская на Онеге в местах, называемых Приозерьем.

Здесь, к западу от Онеги, тянется цепь близко сходящихся между собой озер — Кенозеро, Почозеро, Ундозеро, Шардозеро, еще севернее — Кожозеро (не считая множества более мелких озер). Один из путей древних новгородцев в Двинскую землю шел с Онежского озера на Водлозеро, далее через систему рек и волоков на Волоцкое озеро, с него на Почозеро, далее на Кенозеро, по реке Кене на

*Мост на «городнях»
через реку Кену. XVIII в.*

Онегу и с Онеги через немецкий волок на Емцу, приток Северной Двины.

Регулярное автобусное сообщение поможет нам попасть в некогда труднодоступные места. Оставим на время Онегу и из Конева автобусом отправимся на Почозеро (80 км), где находится интересный архитектурный ансамбль.

Дорога на Почозеро после переправы на пароме через Онегу у деревни Плес идет сначала вдоль реки Кены, а затем берегом Кенозера. Места необычайно живописные и примечательного по пути много: избы с резными причелинами, клетские часовенки.

В деревне Кенорецкой (Измайловской) — мост XVIII века. Быки моста, называемые городнями, напоминают в плане очертания лодки. Они срублены из бревен и внутри заполнены диким камнем. Городни поддерживают накат из бревен, составляющих проезжую часть моста. Подобная форма мостов восходит к глубокой древности. На Кене они сохранились до наших дней. Плотники Севера выступают

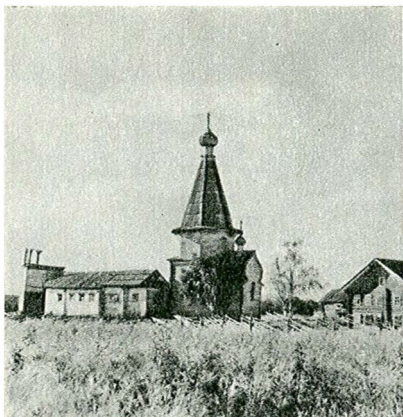
здесь как выдающиеся инженеры в устройстве мостов с большими пролетами (длина моста в Кенорецкой — 126 м, другой мост на Кене в деревне Овчин конец (Федоровская) длиной 92 м).

Некогда на месте деревни Кенорецкой существовал Кенорецкий Пахомиев монастырь, основанный в середине XV века. Мы мало что знаем об истории монастыря и о личности его основателя инока Пахомия, кроме того, что здесь принял монашество Антоний Сийский, основатель известного монастыря вблизи Северной Двины. Сохранилось несколько царских грамот монастырю в XVII веке, жалующих пустынь землями и рыбными тонями. В 1764 году Пахомиева пустынь была упразднена, а в 1800 году пожар истребил монастырские строения.

В деревне Першлахте при желании можно пересесть на катер и совершить рейс по Кенозеру. Катер зайдет в Ряпусово, а оттуда пойдет в Усть-Почу, от которой до деревни Филипповской остается пять километров. Это удлиняет путь в расстоянии и во времени, но дает возможность увидеть места редкой красоты. Кенозеро имеет сложную конфигурацию, напоминая многопалую звезду с далеко отходящими лучами-заливами. Множество больших и малых островов. Берега его то гористы, с зелеными пятнами лесов и золотистыми — жнивья по склонам, то пологи, низменны; береговая полоса то каменистая, то лежит песчаным пляжем, то обрамлена полосой тростника. Порой завиднеется деревенька под зеленым косогором, а на вершине холма клетская часовенка, как, например, часовня в деревне Вершинина, красотой своей не уступающая Коневской. Всего же часовен по берегам Кенозера примерно три десятка, а интересные дома есть почти в каждой деревне.

Почозеро, связанное с Кенозером короткой рекой Почей, представляет собой длинную цепь нешироких озер, соединенных перемычками. Деревня Филипповская — цель нашего пути — стоит на высокой гриве между двумя озерами. Деревня невелика, дома стоят свободно. Как всегда, на самом видном месте поставлены древние церкви. Почозерский ансамбль, к сожалению, мало исследован. Датируется он примерно 1700 годом. В него входят две церкви и колокольня.

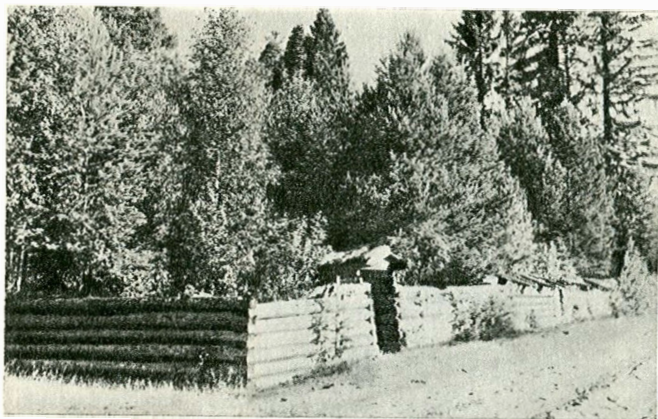
Шатровая церковь отличается прекрасным, стройным силуэтом. Мы немало повидали уже шатровых церквей, среди них сауинскую, волосовскую, и должны признать, что почозерская им не уступает. Впечатление вознесенности сооружения ввысь усиливается еще и тем, что церковь

*Церкви в деревне
Филипповская на Почозере.
XVIII в.*

стоит на вершине высокого холма, господствующего над местностью, четко рисуясь на фоне северного неба с его переменчивым состоянием. Природное расположение великолепное, о таком только может мечтать зодчий: простор, леса, воды.

У шатровой церкви нет традиционной трапезной, есть небольшой притвор, в который ведет крытая лестница поздней пристройки. За трапезную можно ошибочно принять соседнее здание под двускатной крышей. Здание это своей восточной стеной близко подходит к углу четверика шатровой церкви и между ними сооружен крытый переход. Однако это не трапезная, а вторая церковь. На старых фотографиях церковь эта красиво перекрыта бочкой (сравнительно редкое покрытие клетских церквей, обычно бочками перекрывались апсиды). К сожалению, это покрытие давно утрачено, ансамбль нарушен. А живописен он был необычайно: создавался ритм бочек алтарей и покрытия второй церкви, игра криволинейных форм; заглавная вер-

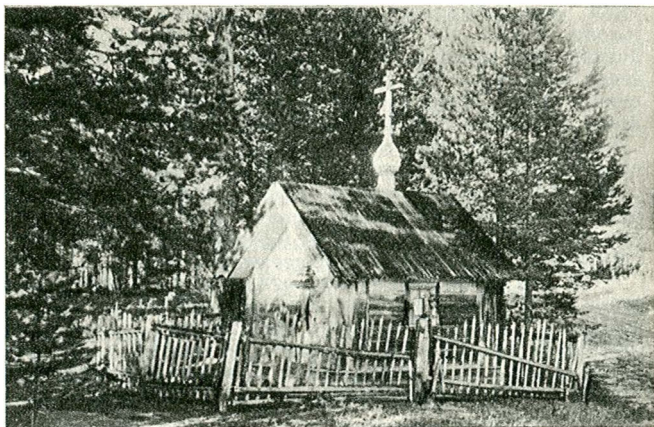

*Ограда погоста
на Почозере*

тикаль шатра дополнялась вертикалью шатра колокольни. Время не пощадило и колокольню, срубленную шестериком «в лапу», — у нее утрачены шатер и звонница, остался один покосившийся сруб.

Единственное, что сохранилось в цельности в ансамбле и что по-прежнему восхищает, — крутой силуэт шатра, его взлет к небу.

За деревней среди старых елей, сосен, лиственниц находится кладбище, обнесенное рубленой оградой. Ограда представляет собой семь горизонтальных рядов толстых бревен, связанных рубкой «в режь» и скрепленных срубками с внутренней стороны ограды. Высота ее в рост человека. Верхние венцы прикрывает тесовый скат. Со стороны дороги в ограде были сделаны двое ворот. Ограды подобного типа некогда окружали многие северные погосты, ныне они почти все исчезли (можно назвать лишь три: ту, что мы видим, в Порженском и на Водлозере). Необычно угрюмо-живописна эта ограда — длинный ряд мощных

*Часовня Кирика и Улиты.
XIX в.*

бревен, искрошенных от времени, серебристые пряди мха на тесе и нависающие над оградой лапы вековых деревьев.

Несколько поодаль кладбища в сосновом бору при дороге стоит маленькая часовенка Кирика и Улиты (здесь и на Кенозере по какой-то местной традиции большинство часовенок посвящено этим святым). Обычная клетская часовенка прошлого века, квадратная в плане (примерно 3х3м). Но здесь, в уединении, при лесной дороге она необычно смотрится — этакая крохотная лесная избушечка, и вид ее «суземный», а тонкая шейка и главка, покрытые лемехом, придают ей очарование седой старины. Внутри ведет маленькая низкая дверь. Там висят полотенца. К западной стене часовни снаружи прислонен высокий резной крест, стоявший некогда при дороге, — выбеленный от времени, видимо, старше самой часовенки...

Возвратимся с Почозера в Коневе.

Здесь путешествуя по Онеге приходится задуматься, как продолжать свой путь. Обычно не остается ничего

иного, как добираться автобусом до станции Плесецкая (около 100 км), там сесть в поезд «Вологда—Мурманск», доехать до станции Вонгуда, добраться до села Порог, пересечь на катер и проехать по судоходной части реки уже снизу вверх. Хотя путешественник совершает лишний крюк, но значительно выигрывает во времени и в удобстве.

Но и тот, кто плывет в лодке по реке, сталкивается с серьезными препятствиями, которые иных заставляют отказаться от продолжения путешествия. Ниже Конева будут две запани — Росляковская и Наволоцкая, где залом в сплавную пору тянется на несколько километров. Обволочь такое расстояние не всегда удается.

И пеший путешественник, отважившийся пуститься вдаль с заплечным мешком, встретит немало трудностей, поскольку ниже Усть-Моши регулярного автобусного сообщения вдоль Онеги не существует, как не существует и судоходства по верхней Онеге, и надеяться приходится только на случайные оказии: на попутную моторку или сплавной катер.

Но если все-таки решиться?

За Бережно-Дубровским долгое время не будет архитектурных памятников. Прекрасная церковь XVII века в селе Труфановском на Красной горке ныне не существует. Можно только увидеть эту Красную горку и лишний раз убедиться, что такое красивое место русский человек не мог оставить неукрашенным.

Далее будет река Моша, крупнейший приток Онеги. Здесь в селе Усть-Моша, в деревне Большой Угол родился Алексей Павлович Чапыгин, известный советский писатель. Тот, кто читал его повесть «Белый скит», рассказы о старой северной деревне, возможно, заинтересуется здешними местами, которым писатель придал столько сказочной таинственности.

За Мошей недалеко до Росляковской запани, далее — Наволок, леспромхозовский поселок. Отсюда уже недалеко до знаменитых Бирючевских порогов. Дотоле река текла, большей частью, в открытых, обжитых берегах. Ниже по течению, ближе к порогам, река становится глухой и суровой — редки деревни, лесисты берега.

Деревня Пустынька стоит над порогами. Места здесь глухие, таежные. Маленькая деревенька прилепилась у реки под зеленым холмом. Тихие места, только река вечно рокочет и пенится. Здесь она в своей первозданной нетронутой красе — седая пена порогов и сосновые величавые боры по берегам. Да, такой была, наверное, Онега во времена ушкуйников.

«Та ночь началась нетерпением тягучим,
Тяжелым хрипением снега,
И месяц летал на клубящихся тучах
И льды колотила Онега...».

Это из Вл. Луговского, стихотворение «Ушкуйники».

«Я в полночь рванул дощаную дверцу, —
Ударило духом хвои.
Распалось мое ошалевшее сердце,
И стало нас снова — двое...»

Да, так оно и было. И тот, кто слушал, как ночью рокошет, грохочет порог — этот сплошной незатихающий гул в крошечной тьме, а утром — туда путь, тот это поймет...

Река Онега — старая историческая тропа, и приметы веков видели мы на каждом шагу. И маленькая деревенька Пустынька, как и вся Онега, полна истории. Здесь в древние времена проходил емецкий волок. Отсюда лодки переволакивались через водораздел к истокам реки Емцы* и по Емце плыли в Северную Двину. Как часто бывало, на прохожем пути был основан небольшой монастырек, пустынька (откуда и название деревни). Называлась она Емецкая (или Ямецкая) Благовещенская пустынь. Основана была, видимо, в конце XV века. Через эти места проходил Антоний Сийский, принявший до этого, как мы уже упоминали, пострижение в Пахомиевой Кенорецкой пустыне. По преданию, Антоний Сийский, бывший иконописцем, написал здесь икону Благовещения, которая позже находилась в Благовещенской церкви села Турчасово. Антоний происходил из простых крестьян и от отца научился писать иконы. Автор его жития замечает: «Не хитр же бысть мудростию сею преподобный, но препросто иконописание его бысть». Эти слова, в целом, можно отнести ко всей северной иконописи — она бесхитростна и препроста, отражает думы и чаяния северного крестьянина в далеком прошлом.

О Ямецкой Благовещенской пустыне упоминает Писцовая книга 1621 года: «Каргопольского уезда, в Турчасовском стану, на Онеге реке, на Емецком волоку монастырек убогий, а в нем Церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы, древяна, стоит без пения, и церковного строения нет ничего, а в том монастыре живет в кельях старец Осей... и в разоренье литовские люди в той пустыне старцов посекали...» Позже пустынь была приписана к

* Название реки Емца от чудского племени ем (или ям), жившего в этих местах.

Спасо-Каргопольскому монастырю. В 1764 году при упразднении здесь оставался один монах.

«Древляна» церковь и посейчас стоит в Пустыньке, но, конечно, не та, что упомянута в Писцовой книге. Существующая постройка относится к 1719 году. Храм двухэтажный, нижний престол Благовещенский, верхний — Вознесенский.

Церковь в Пустыньке представляет безусловный интерес — это едва ли не единственный сохранившийся образец клетской церкви с бочковидным покрытием. (Подобное покрытие было на второй церкви на Почозере.) Видимо, подобный тип храма был характерен для этих мест. Бочковидное покрытие было также на часовне в деревне Нижний Маркомус. В древности эта форма использовалась часто, как можно судить по хоромам деревянного Коломенского дворца.

Сам храм представляет собой высокий сруб с повалом, над которым нависают полницы. С запада к храму примыкает трапезная, с востока высокая пятигранная апсида, тоже перекрытая бочкой. Одна-единственная главка прорезается из кровли большой бочки храма. Вполне возможно, что эта церковь повторяет формы более древней, упоминаемой в вышеприведенной описи. К сожалению, памятник этот, отмеченный еще академиком В. И. Суловым, остается до сих пор малоизвестным. Тем более интересно увидеть его воочию.

Стоит церковь, как всегда, прекрасно — на речном мысу, под ней небольшой омуток — единственное тихое место, где можно пристать, а дальше река понесет стремительно, кипя и шумя в высоких крутых берегах, и долго еще будет видна позади церковь, пока река не повернет вправо, и тут будет уже некогда оглядываться назад — впереди предстанет, вздымая свои крутые валы, беснуясь, кипя пеной, самый большой порог Онеги — Большая голова. И дальше на три десятка километров все будут пороги и перекаты.

Увидеть Бирючевские пороги, своенравную реку и ее гористые лесные берега, называемые Синегорьем, — впечатления незабываемые, плывешь ли на своей лодке, или на попутном сплавному катере, или идешь пешком по лесной тропе. Ведь прекрасное, которое мы ищем, не одни памятники деревянного зодчества, но и сама природа. И то увлечение родной стариной, которое вдохновило нас в путь, тоже здесь присутствует. Ведь это — исторический пейзаж, рассказывающий нам о том, какова была Онега-река в то далекое время, когда заселялась она и осваивалась,

звенел топор в звонком рудовом бору, возводились по берегам избы и на красной горке взлетал ввысь стройный шатер.

«Да строить по берегу села и веси,
Да ладить, рубить городища,
Да гаркать на стругах залетные песни
И верст пересчитывать тыщи;
Да ставить кресты-голубцы на могилах,
И рваться по крови и горю,
Да вынести вконец свою сильную силу
В холодное Белое море».

5. Нижняя Онега

А я сколько по святой Руси
не езживал,
А таких хором во век
не видывал.

Из былик

Но вот река вышла из лесов и раскинулась широкими плесами. Кончились пороги, край безлюдья, край перво-зданной природы.

От Ярнемы, большого леспромхозовского поселка, начинается судоходная часть Онеги. Всего сто пятьдесят километров ее протяженность, но этот отрезок пути небывало, несравнимо ни с какими другими реками Севера насыщен прекрасными памятниками деревянного зодчества.

Ниже Ярнемы река огибает крутой высокий холм. На его вершине стоит каменная церковь поздней постройки. Место это — Городок. Само название говорит, что в далекие времена находился здесь городок, городище, поселение, возможно восходящее к языческим временам. Этот «городок Рогоним» упоминается в описании Турчасовского стана. Отсюда с городецкого холма хорошо видны раскинувшиеся онежские дали. Прежде, в верховье, лес сжимал реку, а здесь лес отошел в стороны, смутно синееется по горизонту, вокруг луговой простор, бесчисленные стога — зароды, пойменные озерки, по пологим склонам холмов золотятся поля, и там и тут виднеются деревеньки, река уходит вдаль в низких берегах, широкая и полноводная. Вдали, километрах в десяти, поднимаются смутно различимые в летнем мареве какие-то сказочные хоромы...

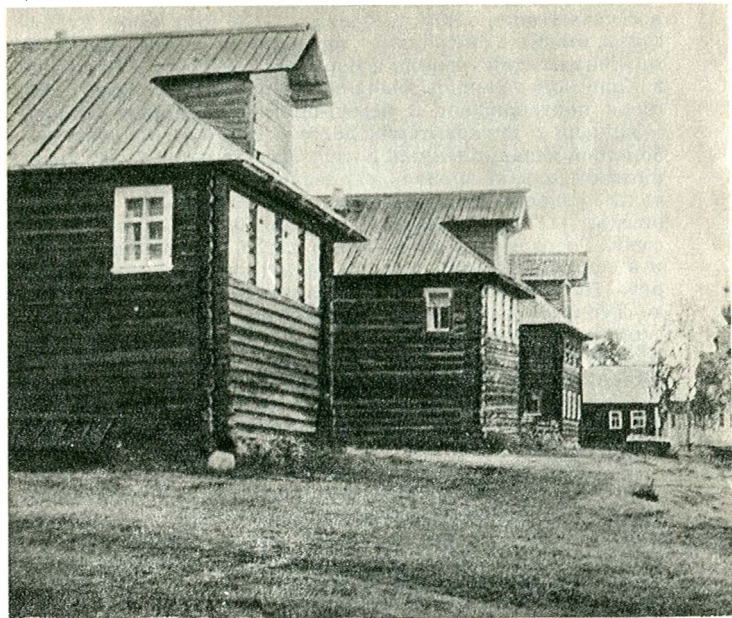
Это — Турчасово. Место на Онеге известное. Сейчас это село, а в давние времена был город, так он и назван в описании Русской земли — «Книге Большому Чертежу» (1627) — «город Турчасово», «город Турчасов». Это одно из древнейших поселений новгородцев на Севере, однако пер-

вое упоминание о нем относится к 1536 году, когда турчасовцы вместе с онежанами, порожанами, устьмошанами и мехреньжанами «ездили к морю соли купити» и возили ее в Каргополь. Важное значение Турчасова в соляной торговле подтверждает и немец-опричник Генрих Штаден («Записки о московитских делах», XVI в.): «Турчасов — большой незащищенный посад. Здесь в первый раз взвешивают соль, которую вываривают из моря». Из летописи также узнаем, что в 1590 году «свейские немцы (то есть шведы. — Г. Г.) ходили на Двину, по Колмогоры и в Турчасово». Городок был разорен ими дотла. Пострадал городок и в «смутное время», когда бродили по Онеге шайки «воров». Но каждый раз восстанавливался заново. В XVII веке Турчасов был административным центром Турчасовского стана, куда входили ближние деревни: Щукозерская, Шелеховская, Бирючевская, Владыченская, Городецкая (Рогоним), Прилуцкая, а также Кожеостровская пустынь. И позже, когда Турчасово утратило свое административное значение, оно продолжало оставаться крупным торговым селом.

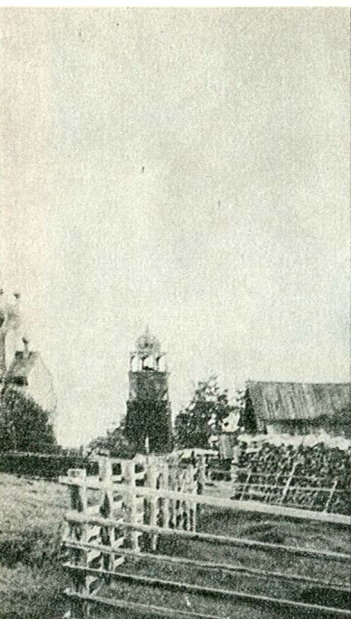
Река под Турчасовом делает крутой изгиб. Село расположено на холмистой гряде, отделенной от реки луговым просторством. Противоположный правый берег — высокий, обрывистый — Острожная горка, голый холм, на вершине которого бродят кони. Здесь, по народной памяти, стоял острог, крепость древних новгородцев. Слово «Турчасово» по вероятному предположению происходит от слов «тур» — башня и «час» — дозор; дозорная башня.

На левом берегу — посадская сторона. В некоторых старых документах село называется Посадным. Два огромных величавых сооружения занимали до недавнего времени центральное место на посадском холме — две церкви высотой в двадцать две сажени (сажень — 2,13 м). Вековой опыт плотницкого искусства, накопленные поколениями навыки достойно воплотились в Турчасовском ансамбле, завершающем XVIII век и, можно сказать, историю русского деревянного храмового зодчества.

Благовещенская церковь 1795 года была чрезвычайно интересным сооружением. В облике ее нашли применение все формы покрытия, выработанные деревянным зодчеством: шатер, куб, бочка. Зодчие сделали все возможное, чтобы достичь впечатления величавости, торжественности сооружения. Здание, крещатое в плане, было необычайно вытянуто в длину, распластано по боковым фасадам. С западной стороны далеко выступала обширная трапезная, внутри ее перекрытие потолка поддерживалось шестью

резными столбами (если вспомнить, что обычно в трапезных деревянных церквей стоят два столба, то легко представить размеры сооружения). Между трапезной и храмом по северному и южному фасадам выступали приделы — две башни четвериком, крытые кубом с одной главкой на высокой шейке. Сам четверик храма с восьмериком — массивный, грузный, увенчанный мощным шатром с соразмерно крупной, несколько удлиненной шейкой и главкой. И, наконец, традиционная пятистенная апсида с бочкой и главкой. Это грандиозное сооружение не подавляло человека своими размерами, величина его ощущалась только на удалении. Вблизи же здание радовало своей нарядностью, сверканием чешуи лемеха шеек и главок, узорными поясками обломов, ритмом нависающих над повалами полиц, затейливыми «теремками» по углам четверика. Вблизи объем здания сокращался, массивность форм исчезала и ярче выступали совершенство и чистота отделки декоративных элементов.

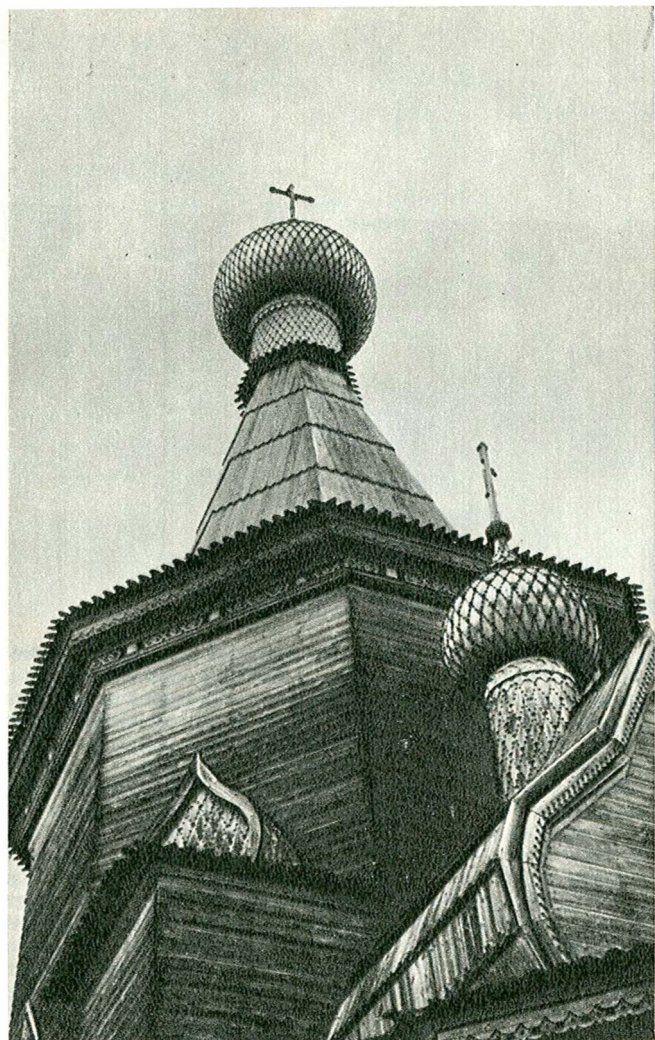

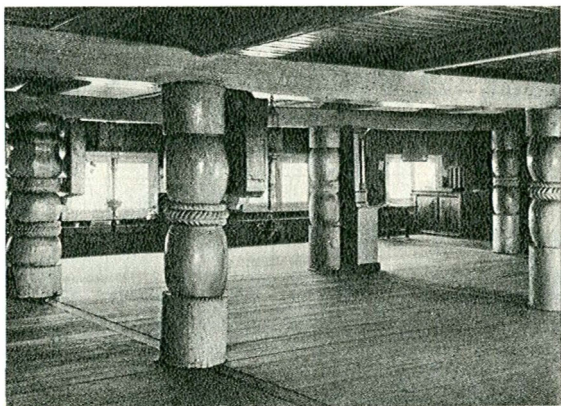
Вид села Турчасово

Благовещенская церковь была единственной из памятников деревянного зодчества, у которой сохранился план, приложенный к указу о ее постройке. Под рисунком была подпись: «Рисовал города Онеги...» — дальше бумага оторвана и имя зодчего (или чертежника) осталось нам неизвестным.

И вот этого замечательного памятника теперь нет. Церковь сгорела от удара молнии в 1964 году.

Знал я, что сгорела церковь, а все не верилось — так стоит она в памяти (как живая, хочется сказать). Помню, десять лет назад весь день ходили мы возле, а уйти не могли. И вот снова попал я на то же место. Все бы вроде прежнее — и пейзаж окрестный и улицы сельские, а того нет, главного, что сразу привязывало твой взор и не давало оторваться. Осиротелой, потерявшей половину обаяния смотрится вторая турчасовская церковь, а ведь тоже памятник замечательный. А место, где стояла Благовещенская, ровное. Впрочем, не совсем: остался фундамент,

*Благовещенская церковь
в селе Турчасово. 1795 г.
Фрагмент*

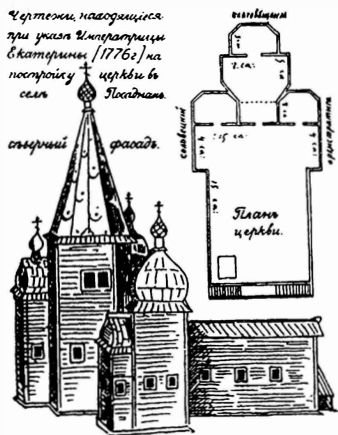

*Интерьер трапезной
Благовещенской церкви.
Старая фотография*

сохраняющий очертания ее уникального плана, — гигантские гранитные валуны, иные треснувшие от жара губительного пламени; словно вели на этом месте раскопки и открыли основание циклопической кладки. В траве еще лежат остатки обгорелых бревен — далеко раскидало их пламя; а от той ели, что стояла у западной стены трапезной, — она есть на всех фотографиях — остался обугленный ствол с торчащими острыми сучьями...

В Турчасове во всей своей красе стоял классический онежский «тройник», тройной ансамбль: церковь шатровая, церковь кубоватая и колокольня. В соответствии с этой традицией второй турчасовский храм — Преображенская церковь 1786 года — кубоватый. Если Благовещенская церковь была живописна в игре своих объемов, то Преображенская графична, строгих, ясных очертаний.

Преображенская кубоватая церковь — одно из поздних сооружений этого типа, поэтому здесь использован ряд приемов, выработанных северным деревянным зодче-

План Благовещенской церкви

ством, в частности онежским. Четверик, квадратный в плане, сильно вытянут в высоту, отчего кажется узким и стройным. По сторонам его четыре прируба (равнокрестие в плане). Прирубы покрыты бочками с главками. Бочки одинаковы по форме, исключение составляет трехлопастная алтарная бочка, которая перекрывает трехчастную апсиду, соответствующую здесь трем престолом церкви — главному и придельным. Огромная бочка имеет форму «сердца», ее также можно сравнить со славянской буквой «от» — ѿ. Форму эту мы встретим и у других церквей нижней Онеги. С западной стороны здание окружает низкая крытая галерея, заходящая на северную и южную стороны. Такая галерея носила на Севере название «нищевника» (здесь было место нищих). Расширение окна фасадов — следствие поздней переделки.

Церковь девятиглавая. Четыре главки на бочках образуют нижний ряд, красиво вписываясь своими луковками под повалы здания. Выше следует мощная луковка

*Преображенская церковь
в селе Турчасово.
1786 г.*

куба, увенчанного традиционно пятью главами: меньшими по его граням и большой центральной. Сам куб жестких, угловатых очертаний, покрытый крупным тесом.

Третий памятник ансамбля — колокольня 1793 года. Пожалуй, она самая высокая и значительная по размерам из всех виденных нами. Новым для нас здесь является то, что основной сруб четверика с восьмериком поставлен на более широкий в плане четверик всего в несколько венцов. На него опираются столбы внутренней конструкции колокольни, не доходя до земли и тем самым предохраняясь от гниения. Покрытие обычное у колоколен поздней постройки в виде купола с длинным шпилем. В облике колокольни есть внушительность, некая скрытая мощь, которую не умаляют декоративные кокошники над углами четверика. Косячатые окна, прорезанные в восьмерике, глядят сурово, как башенные бойницы, и сама колокольня, с которой открывается далекий вид на окрестность, кажется тем самым легендарным «турчасом», дозорной

башней, с которой высматривали неприятеля в годы лихолетья.

Обратимся теперь к самому селу Турчасову. Тип четырехстенной избы на высоком подклете, с четырьмя окнами по главному фасаду, с вытянутым боковым фасадом, различные усложнения этого типа — «двужирные» избы со множеством боковуш и горенок, — все это мы уже встречали в нашем путешествии по реке Онеге и Каргополью. Но мы не встречали еще таких сел, где бы так стройно вставали в ряд избы-хоромы.

Прежде мы отмечали отдельные наиболее интересные избы в некоторых деревнях, теперь же Турчасово дает нам повод рассмотреть северное село, как ансамбль, исторически сложившееся единство облика и средств выражения.

Все причерные деревни, как правило, бывают ориентированы окнами изб на реку. Это и понятно: реки — основной путь среди северного бездорожья, из окон должно быть видно, кто проплывает по реке, куда держит путь. Под окнами изб проходит грунтовая дорога, связывающая ближние деревни, она же является деревенской улицей.

Вот мы вошли в Турчасово с его южного конца тем трактом, которым некогда турчасовцы возили соль. Северная деревня обычно огорожена, и на околице существуют ворота. Сделано это, дабы пасущийся скот не забредал на улицу и огороды. Дорога ведет нас мимо двух рядов домов. Мы замечаем, что избы левого от нас ряда смотрят окнами на дорогу, в то время как избы правого ряда выходят на улицу задами, своими взвозами. Такой способ застройки поселения называется рядовым и является более древним по сравнению с правильной уличной застройкой, когда дома смотрят окна в окна. В южном конце Турчасова до сих пор сохранился старый порядок. Сначала по самому верху холма был поставлен первый ряд изб, затем, с ростом населения, новые избы стали ставиться ниже первого ряда, но также ориентируясь окнами на реку.

В дальнейшем в Турчасове был поставлен и третий ряд изб, еще ниже, также озадками ко второму ряду. Так мы проходим по улице, видя фасады одних изб и задние дворы других.

Центр посадского холма, где стоят церкви и находился сельский погост, отделен от изб значительным пространством. Церкви обособлены, выделены в деревенском ансамбле, но не оторваны от него. Они — эстетический центр села, фокус всех лучей, они видны отовсюду, к ним выводит дорога.

Дорога проходит вблизи церковных папертей, и любой путник не мог не задержаться здесь и не засмотреться на эти прекрасные сооружения. Далее дорога идет под уклон. В северной части села уже обычный уличный порядок. Здесь исстари находились волостное правление и торговые лавки, здесь же жили наиболее богатые сельчане. Наконец дорога сходит с песчаного холма вниз и по сырой луговине подводит нас к пристани. Как раз против этого места на другом берегу высится Острожная горка.

Повернем назад, и снова перед нами встанут притягивающие вертикали церквей. И мы снова убеждаемся, что без них пропадает, разрушается весь ансамбль старого села.

И. В. Маковецкий в своем капитальном труде «Архитектура русского народного жилища» (М., «Наука», 1962) так описывает впечатления человека, входящего в Турчасово: «Два ряда крестьянских изб останавливали его внимание и направляли его движение. Он медленно поднимался в гору в ожидании появления главных сооружений. Бесперывная цепь художественных впечатлений при движении по улице... подготавливала зрителя к восприятию господствующего сооружения — закономерного завершения развития архитектурного ансамбля, зародившегося именно здесь при первых постройках на деревенской околице».

Очень старых изб в Турчасове нет, обычно не позже конца прошлого века. Общий облик изб, как и расположение внутренних помещений, традиционен («ищи добра на стороне, а дом люби по старине» — была пословица), новшества вводятся в виде верхних светелок, широких чердачных «тальянских» окон, в элементах убранства. Окна прорубаются шире, чем в старину, наличники красятся, обшиваются тесом и раскрашиваются углы сруба, но сохраняется традиционное убранство фронтонов изб с верхним коньком, резными причелинами, резным солнцем. Новое порой причудливо сочетается со старым: у иных домов прежняя тесовая кровля заменена шиферной, а старая деталь — курицы, держащие водотечины, — сохраняется. Вообще в Турчасове всюду уловимо городское влияние — и во внешнем облике изб и в «городской» обстановке домов с бережно сохраняемой мебелью конца прошлого века. Турчасовцы издавна занимались отхожим промыслом, многие бывали в Петербурге (Север вообще тяготел к столице на Неве), да и село свое считали они по старой памяти городком.

За Турчасовом Онега идет широкими плесами. Берега открытые, невысокие. Часты деревни, леспромхозовские поселки. Берега эти, некогда причислявшиеся к турчасов-

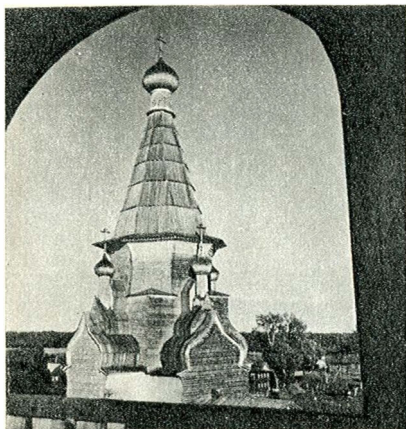
скому стану, заселены давно. Прилуки, например, впервые упоминаются в середине XVI века. О происхождении названия Прилук есть старая легенда. Будто бы в давние времена крестьяне сплавляли лес на церковь и решили поставить ее там, где лес прибьет течением, то есть там, где лес «прилучится». С тех пор, начиная с XVI века, здесь строилось несколько церквей, взамен истребляемых пожарами. Сейчас в селе Прилуки по левому низменному берегу стоит огромный деревянный храм Рождества Христова 1869 года. Он заслуживает внимания как памятник строительного мастерства умельцев-плотников. Мастера задумали создать в дереве монументальное здание по типу каргопольских соборов и построили двухэтажную пятиглавую церковь с примыкающей колокольней.

На Севере часто бывает так: после погожих дней зарядит непогода и тогда безрадостными кажутся однообразные речные берега, деревни с черными намокшими избами, но вот когда увидишь вдали стройный шатер и уже по силуэту чувствуешь что-то незаурядное, тогда словно луч солнца пробился сквозь дождевые облака и уже не страшит и не портит настроения непогода — смотришь во все глаза и не оторвешься. Впереди — Вознесенская церковь 1651 года в

Стройность пияльской церкви изумительна, ее архитектурное решение подчинено единому замыслу создать ощущение взлета ввысь — идея шатрового зодчества выражена здесь с максимальной отчетливостью. В сущности, все шатровые церкви выражают идею вознесенности ввысь, «к горнему». Вознесенская церковь замечательна тем, что являет собой дальнейшее развитие шатрового зодчества, доведение его форм до классической завершенности.

Церковь крещатая в плане — квадрат основания с четырьмя симметричными прирубями. Четверик, как и прирубы, сильно вытянут ввысь. Четверик переходит в сравнительно невысокий восьмерик с крутым повалом и завершается взлетом острого, идеального рисунка шатра. Взлет шатра направляют и усиливают два ряда узких килевидных бочек, завершающих прирубы, и остроугольные теремки над ними, к которым тесно прижаты вытянутые тонкие шейки главок — ритм островерхих линий подготавливает торжественный взлет шатра.

Такой прием невольно заставляет вспомнить мотивы каменного шатрового зодчества. Как известно, перенесение в каменное зодчество форм деревянного шатрового храма породило каменное шатровое зодчество, высшим

*Вознесенская церковь
в селе Пияла. 1651 г.*

достижением которого явилась церковь Вознесения в Коломенском. В свою очередь каменное зодчество оказало обратное влияние на деревянное шатровое, примером чему исследователи считают пияльскую церковь, а также церковь села Варзуга на Терском берегу (см. «Историю русского искусства», т. VI, стр. 108).

«Бе же та церковь вельми чудна выотою и красотою и светлостью», — записал летописец о коломенской церкви. Слова эти хочется повторить, говоря о пияльской церкви.

С западной стороны к церкви примыкает трапезная с притвором, пристроенная, по-видимому, в позднее время: горизонтальная распластанность ее плохо совместима с вертикальной композицией. Алтарная апсида по форме идентична приделам. По карнизу восточной стены есть надпись о том, что церковь сия поставлена при государе Алексее Михайловиче. Слова эти переводят мысль в область историческую: вспоминается эпоха, «тишайший» царь, патриарх Никон, огненный Аввакум — все это почти

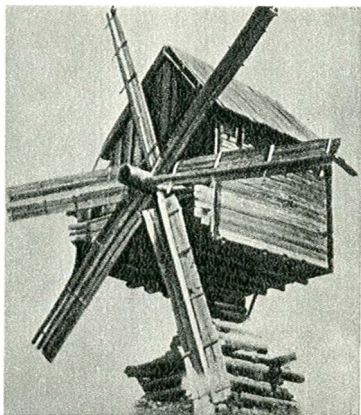

*Ильинская церковь
в селе Вазенцы. 1786 г.*

легендарно, бесконечно далеко от нас, и вот эта церковь, что рядом с нами, — она делает это далекое явным, потому что сама существует в яви и в, казалось бы, бренном, непрочном материале своем пережила здесь, в глуши, три века русской истории и по-прежнему стоит перед нами, людьми второй половины XX века, стоит как и встарь — стройно, ни в чем не отклонившись от вертикальной оси. «Ишь, стоит как стопочка», — сказал, взглянув на нее, старик прохожий.

До недавнего времени в Пияле сохранялся обычный для Онеги «тройник». Сейчас второй церкви — Климентовской, кубоватой, — нет, а была она тоже XVII века (1685). Колокольня, к счастью, сохранилась (датируется 1700 г.). Она необычной, пожалуй, нигде более не встречаемой формы: на нижнем восьмерике с повалом поставлен второй, более низкий восьмерик.

За Пиялой, не столь далеко по тому же правому берегу будут Вазенцы. Здесь тоже встречает нас красивая шатро-

Мельничка-«столбовка»

*Село Чекуево. Общий вид
погоста с запада.*

Старая фотография

вая церковь, крещатая в плане,— Ильинская. По ее карнизу надпись: «В лето с Рождества Ис. Христа 1786 построиша вторично сии святыя церкви во имя святого пророка божия Илии и преподобного отца нашего Александра Ошевенского и Каргопольского. При державе благочестивейшей государыни императрицы Катерины Алексеевны...» Следовательно, существующая церковь воспроизводит формы бывшей на этом месте до нее, более древней, относимой, по-видимому, к XVII веку.

Церковь в Вазенцах красиво стоит на взгорке над деревней. Подобно пияльской, она имеет крещатый план, но совсем иное решение. Прирубы более широкие, распластанные по сторонам четверика,— за ними почти скрывается сам четверик, лишь выступая углами между широких бочек прирубов. На углах четверика поставлены декоративные теремки. Северный, южный и западный прирубы идентичной формы, восточный же иной. Храм был двухпрестольным, как прочли мы на надписи (почитание

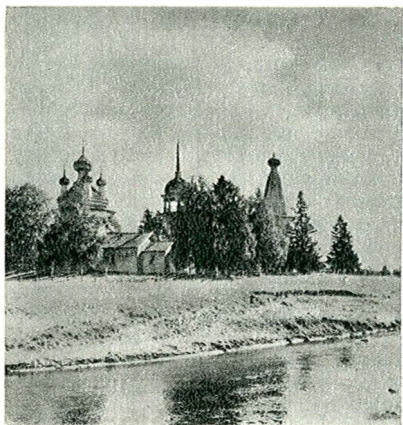

Александра Ошевенского объясняется тем, что в XVII веке окрестные селения принадлежали Александро-Ошевенскому монастырю), соответственно он имеет две смежные апсиды пятистенной формы. Апсиды, как обычно, покрыты бочками, которые объединены сверху третьей, общей, то есть получается та же самая широкая трехчастная бочка, подобная покрытию апсид Преображенской церкви села Турчасово. Все бочки увенчаны главами (таким образом, вместе с главой шатра, создается пятиглавие). Шатер опирается на невысокий восьмерик, сравнительно с широким объемом нижней части здания он кажется несколько приземистым. Здесь не создается той устремленности ввысь, что в вертикалях Пиялы, красота сооружения — в его живописной объемности.

Живописный облик Ильинской церкви когда-то дополняло крыльцо на два всхода, опиравшееся на выпускные бревна сруба,— прием, идущий от древности. Крыльцо было покрыто соответственно всходам на два ската. Внизу перед лестницами и наверху перед дверьми в церковь были крытые площадки — рундуки. В договорных грамотах на рубку церквей обычно оговаривалось — «рубить крыльцо на три рундука». Под высоко поднятым крыльцом находилась дверь, ведшая в подклет, или подцерковье, где хранилось церковное имущество. В настоящее время крыльцо не существует: своевременно не реставрированное, оно прогнило и рухнуло.

В Вазенцах, за деревней, на отшибе, находился еще один интересный памятник деревянного зодчества — мельничка-столбовка. Таких мельничек когда-то было множество на Севере. Они всегда поражают своей миниатюрностью, да и вообще своим необычным видом словно бы вышли из сказки про избушку на курьих ножках. Представляла из себя мельничка высоко поднятый сруб на подпорке в виде бревен—лап. По центру срубчика проходило осевое бревно, вдоль которого он поворачивался, следуя направлению ветра. Ведет на мельничку лесенка, немного не доходящая до земли. Такие мельнички целой группой, подобно веренице амбаров за деревенской околицей, веселили, оживляли пейзаж. Сохранились они кое-где в Вологодской, Костромской областях, на Мезени, а вот на Онеге эта единственная мельничка не сохранилась.

А Онега течет дальше в своих спокойных плесах мимо древних обжитых берегов. Ниже Вазенц будет большое старое село Чекуево. Некогда стояли здесь три деревянные церкви с колокольней, две из них — XVII века. Обе кубо-

*Ансамбль погоста села
Верхняя Мудьюга*

ватые: Успенская 1675 года и Преображенская 1687-го. Церкви эти, как наиболее древние, возможно, служили прототипом для других сооружений на Онеге, так, например, очевидна общность форм Преображенской церкви в Чекуево с одноименной церковью в Турчасове. Лет десять назад церковь эта еще стояла в Чекуево у самого берега реки. Вид ее был страшен: стоял лишь высокий четверик, кровля же обрушилась внутрь здания, в разбитое окно были видны провисшие балки и доски потолка, иконостас с осыпавшимися иконами. Десять лет спустя на чекуевском берегу было ровное место...

За Чекуевым Онега разделяется на два русла, образуя остров длиной в двадцать и шириной в десять километров. Судходно только правое русло, левое используется для молевого сплава: бревна плывут к запани в Усть-Коже. По правому судходному руслу Онега не меняет своего вида: те же невысокие луговые берега, кустарники, разве что, разделившись надвое, река стала немного поуже. К

обычному луговому берегу со стогами мы и пристанем у устья речки Мудьюги.

Путь наш вначале по луговой тропинке вдоль этой речки. Через три километра будет село Нижняя Мудьюга, где есть только две поздние церкви, переделанные под хозяйственные помещения. Нам идти еще дальше — в Верховье. Это еще четыре километра, путь нетрудный в хорошую погоду и не столь простой в дождливую пору, поскольку дорога идет все время низкими сырыми местами.

Пройдя небольшой чахлый лесочек по черной торфяной дороге, мы выйдем в луга. Широко расстилается луговая ровень, уставленная бесчисленными стогами, впереди, километрах в двух-трех, виднеется селение и вознесенный над всей местностью шатер. Везде на Севере по-особенному ставились церкви. Где у воды, где в поле, и везде учтен рельеф местности: речная излучина, крутизна берега, обзор на ровном поле. В каргопольской суши церкви пре-красно оживляли скучный пейзаж. Здесь же скорее не

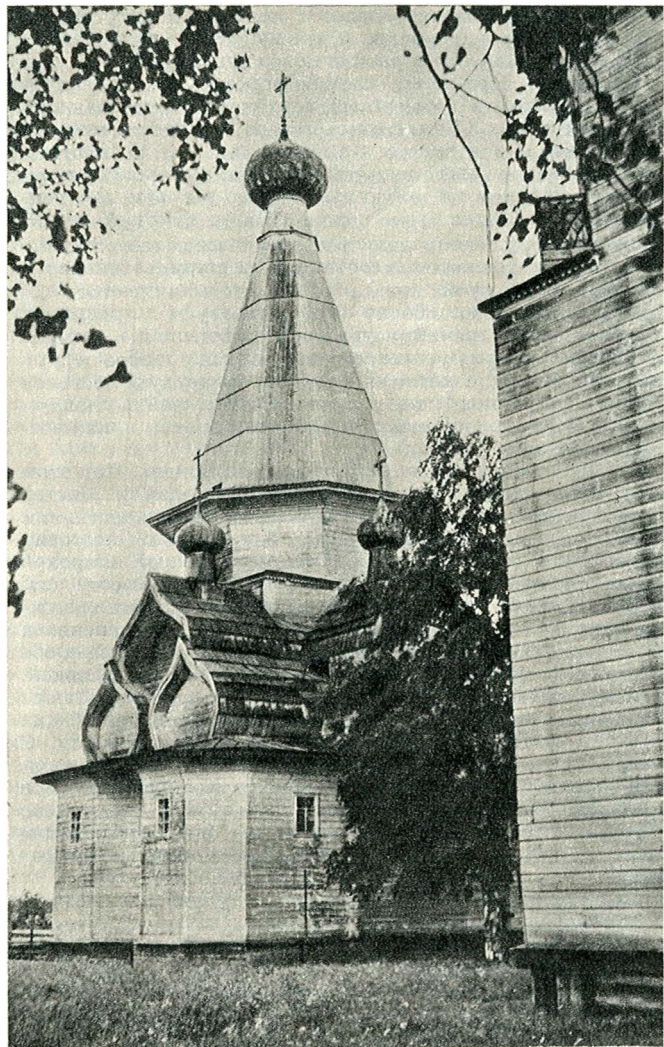
*Входиерусалимская церковь
XVII в. с приделом Трех
святителей XVIII в.*

сушь, а сырь. Луга, болотца, кустарники тянутся вокруг села во все стороны. И отовсюду, с дальних покосов, был виден шатер сельской церкви, он указывал дорогу к дому.

В центре села у реки на старом погосте среди старых елей и лиственниц стоит замечательный архитектурный ансамбль, ради которого стоило бы проделать и более сложный путь. Здесь мы впервые въявь, а не по воспоминаниям встречаем классический онежский «тройник»: шатровая и кубоватая церкви с колокольной.

Поистине замечательна древняя шатровая Входиерусалимская церковь XVII века, с приделом Трех святителей XVIII века. В нашем путешествии мы повидали немало прекрасных шатровых церквей и не перестаем удивляться этим феноменальным сооружениям. Нет ни одной из них, похожей на другую, несмотря на общий принцип архитектурного решения. Каждая поставлена настолько по-своему, настолько неповторима в своем облике, что красота ее затмевает красоту предыдущей. Действительно, на ниж-

ней Онеге мы идем от шедевра к шедевра. Только что мы были в Пияле и Вазенцах, и вот вырастает в стороне от реки среди болотистых равнин новое чудо.

Поражает стройный, изящно прочерченный силуэт церкви. Никаких добавочных вертикалей, усиливающих взлет вверх, как в Пияле, здесь нет: обычный восьмерик на четверике. И как просто и внушительно все выполнено! Столпообразно ввысь подняты четверик с меньших размеров восьмериком на такую высоту, что вековые лиственницы оказываются ниже повала. Шатер высокий, стройный — его трудно определить словами, все дело в его силуэте, в крутизне скатов, в соотношении ширины основания шатра с его высотой. Здесь — то изящество и простота линий, которые безошибочно свидетельствуют о древности. Крутую линию граней шатра продолжает шейка, которая имеет здесь форму усеченного конуса (как у шатра церкви на реке Свида, с которой началось наше путешествие). Напомним, что покрытие церкви — шатер, шейка, глава — срублено из горизонтально сложенных бревен и, как всегда, «без единого гвоздя».

В XVIII веке к храму был пристроен придел. При этом надо было не исказить красоты силуэта здания. Мастер (документально известно, что им был местный крестьянин Даниил Пантелеев) решил задачу блестяще. Он поставил с северной стороны небольшой, перекрытый широкой бочкой прируб, по высоте примерно равный высоте четверика. Соответственно каждому престолу в церкви должна быть апсида. Здесь их получилось две, сочлененные, пятигранной формы. Каждая апсида крыта бочкой, и обе бочки объединяются третьей бочкой с единой главкой, вырастающей из небольшого четверичка на кровле. Таким образом, и здесь использован тот же традиционный для нижней Онеги мотив трехлопастной широкой бочки. С запада и северо-запада здание обходит небольшая крытая галерея, на которую ведет прекрасное, единственное на Онеге сохранившееся высокое крыльцо на два восхода. Крыльцо поставлено так, что линии скатов кровли объединяют храм и придел, придают цельность западному фасаду.

Под крыльцом широкие ворота, ведущие в подклет, — в них свободно может въехать телега.

Памятник прекрасно смотрится с разных сторон, продуманная асимметрия его объема создает неожиданные живописные эффекты. Он кажется неколебимо устойчивым, достойно, не скосившись, выстояв три века. Внутри же здание находится в аварийном состоянии.

Другим памятником на верхнемудьюжском погосте является колокольня XVIII века, типичная для Поонежья.

Третье здание ансамбля — Тихвинская церковь, освященная в 1865 году. Это кубоватое сооружение с трапезной, притвором, крытым крыльцом. Конечно, здание это поздней постройки (весьма вероятно, оно копирует формы прежде стоявшей здесь церкви), но оно входит в ансамбль, связано с ним местоположением, силуэтом, убрать его — разрушить целостность. Вот почему должны охраняться все входящие в ансамбль здания, независимо от времени их постройки и взятого отдельно художественного качества. В данном случае архитектурным памятником должна считаться не одна церковь XVII века, а все три постройки.

Но вернемся на Онегу и продолжим путь, теперь в Усть-Кожу. От пристани нам предстоит трехкилометровый путь до Кожского погоста. Идти высоким берегом реки Кожы, пока снова, как часто уже бывало в нашем пути, не встанет над лесом вершина шатра-ели. Здесь, на некотором удалении от деревни Макарьинское, среди хлебного поля близ реки расположен ансамбль погоста. Снова знакомый «тройник» — шатровая, кубоватая церкви и колокольня. В отличие от верхнемудьюжского погоста, стоящего в живописном окружении старых деревьев, макарьинские церкви стоят голо. Их природная оправа — поле, дали лесов и река под высоким берегом.

Старшей считается Климентовская церковь 1695 года*.

Церковь сравнительно небольших размеров. Узкий вытянутый четверик увенчан кубом красивого профиля. Куб соразмерен и компактен в объеме, боковые главки поставлены в тесном единстве с центральной завершающей главой. Длинные узкие шейки боковых главок продолжают вертикали граней четверика, сами же главки своей кривизной повторяют мягкие очертания куба, создают переход от плоскости стен к криволинейной поверхности. Изящество проявляется и в покрытии главок и шеек «в чешую», а куба крупным лемехом. Основания шеек всех пяти глав там, где они вырастают из куба, декорированы стрельчатыми теремками. Карниз живописно дробится зубчиками обрешных концов полиц.

* Датировка церковью Кожского погоста противоречива. Согласно сведениям «Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии», ч. II здешний приход образован в 1659 г. Названы два храма: пятиглавый Крестовоздвиженский 1769 г. и св. Климента, папы Римского 1695 г. В «Известиях археологической комиссии» названия и даты поменены местами. В альбоме «Русское деревянное зодчество» (М., 1942) Климентовской церковью XVII в. названа кубоватая.

В противоположность вытянутости основной массы вверх трапезная приземиста. Пятигранная апсида невелика, крыта бочкой вытянутой стрельчатой формы. В XIX веке церковь была обшита тесом, были расширены окна и перебран сруб трапезной. Там, где доски обшивки сняты, видны венцы с искрошившимися концами, почерневшие за века.

Шатровая Крестовоздвиженская церковь высотой своей и внушительностью превосходит более скромную старушечку кубоватую. У нее нет трапезной и приделов, поэтому она воспринимается целостно, как столпное сооружение. Это чистый тип шатрового храма (независимо от спорной даты постройки). С западной и северной стороны (немного не доходя до северо-восточного угла) четверик церкви обводит невысокая крытая галерея. На галерею ведет простое крытое крыльцо. Интересна дверь, ведущая из галереи в церковь: она двустворчатая, стрельчатой формы, створки ее расписаны цветами в народном стиле. Это

*Ансамбль Кожского
погоста. XVII—XVIII вв.*

придает внутреннему помещению церкви праздничность, нарядность.

Веселый, нарядный вид и у колокольни, датируемой XVII—XVIII веками (перестроена в XIX веке). Колоколенка эта давно отмечена исследователями, начиная с В. Суслова, И. Грабаря. Она небольшая, в сравнении с церквями, и, хочется сказать, — игрушечная. Формы ее традиционны, как и вообще всех трех зданий погоста. Углы четверика украшены изящными теремками. Очень оживляют вид колокольни далеко выпущенные резные концы полиц над повалом и на кровле звонницы. Красиво смотрится прорезанное в бревенчатой массе четверика косячатое оконце. Завершение — шлемовидное со шпилем, как обычно, позднее.

Итак, к счастью и на Коже сохранился в целости тройной ансамбль, классический ансамбль, где три компонента равноценны по художественной значимости. К сожалению, и здесь памятником архитектуры, подлежащим охране, счи-

тается только кубоватая церковь XVII века. Но ведь ансамбль даже как следует не изучен и датировки не уточнены! Да и как можно его разъединить! Достаточно увидеть, как стоят на пригорке две эти церкви, объединенные маленькой колокольней (уберите ее — и целостность нарушится), посмотреть окрест — на поле, на реку, на деревню за рекой, чтобы понять — заповедным должно стать само это место, где предки создали рукотворное чудо и сами мирно почили в этих сровненных с землей могилах.

Река Кожа, если подняться по ней вверх, приведет нас к Кожозеру. Дорогой туда пятьдесят километров. Будет на половине пути деревня, называемая Половина, а дальше жилья нет. Некогда на озере находился Кожеозерский монастырь, упоминаемый в описании Турчасовского стана. Сведений о Кожеозерском Спасском монастыре немного, самый известный факт — здесь с 1646 по 1649 год был игуменом будущий патриарх Никон.

Но покинем заманчиво сверкающую Кожу и отправимся по Онеге вниз — путь наш близится к концу. За Усть-Кожей до конечной пристани Порог мы не встретим памятников зодчества. Река будет идти от плеса к плесу в тех же невысоких ровных берегах, поросших подступающих к воде лесом. Не часты будут селения. Но вот за последним речным изгибом открылись впереди голые седые холмы, а под ними поселок. Это — Порог. До города Онеги отсюда немногим более двадцати километров, но судоходства ниже нет — сразу же под железнодорожным мостом, пересекающим здесь реку, начинаются пороги и тянутся на девять километров. И вот там, где пороги кончаются и Онега разливается широким как озеро плесом, на высокой горе левого берега вы увидите красиво стоящую церковь. Это последний в нашем путешествии памятник деревянного зодчества — Владимирская церковь 1757 года в селе Подпорожье.

В Подлинной дозорной книге по городу Каргополю 1648 года о селе Подпорожье сказано: «Волость Подпорожья на реке Онеге... Деревня Жеребцова Гора, а в ней стал новый погост, а на погосте церковь Живоначальная Троицы, да в приделе Никола Чудотворца...» Подпорожье — место на Онеге известное. Здесь ловилась лучшая на всем Севере семга сорта «порог». И по настоящее время реку в этом месте перекрывает длинный забор, в проходах которого рыбаки ставят ловушки.

Но вот мы на старинной Жеребцовой Горе. До чего же прекрасное, вольное место! Простор всюду, куда ни взглянь. Там Онега вышла из теснин порогов и, обогнув

*Владимирская церковь
в селе Подпорожье. 1757 г.*

горку, уходит вдаль широким руслом к виднеющемуся вдали городу. Здесь уже сказывается действие приливов: река становится полноводной в прилив и обсыхает, сужается, в отлив.

Некогда церкви на горке встречали всех проплывших пороги. Они были поставлены с расчетом на дальний обзор. Сначала были видны вершины церквей, но за поворотом здания представляли во всей красе. Церквей было две: кубоватая пятиглавая Троицкая с приделом, крытым кубом с одной главой (1725—1727), и Владимирская. Была и колокольня середины XIX века. Сохранилась донине одна Владимирская.

Церковь в Подпорожье достойно завершает блестящую серию онежского кубоватого зодчества. Основные мотивы, выработанные онежскими плотниками: крещатый план, трехлопастная бочка апсиды здесь умело использованы. Но применен и совершенно новый оригинальный прием решения многолавия: главки, увенчивающие бочки четы-

рех прирубов, здесь подняты на восьмигранные усеченные дощатые пирамидки, так что шейки главок начинаются у повала, а маковки приходятся на уровне куба. Получается интересное девятиглавие, живописная пирамида из шишек-главок.

Владимирская церковь вызывала восторги многих исследователей, начиная с академика В.Суслова, в свое время зарисовавшего ее и сделавшего обмер. Здание считается хрестоматийным и тем более удивительно, что оно не находится на государственной охране. Последствия печальны: на одной бочке главки с пирамидкой уже нет, на другой обнажен остов пирамидки, окна раскрыты, снят пол. Пока еще стоит остов здания, свидетельствующий о прочности работы онежских плотников. Пройдет еще немного времени, и, если не принять срочных мер, опустеет Жеребцова Гора...

А Онега, заканчивая свой путь, прощально сверкает широкими плесами, уходя вдаль, в морскую бескрайность...

6. Кий-остров

«А против устья реки Онеги от берегу 7 верст, остров Кий, а на том острову Кий монастырь Ставрос, еже есть Крест, строение святейшего Никона, патриарха Московского и всея Руси».

Из «Книги Большому Чертежу»

Мы в городе Онеге, в устье реки, у Белого моря.

История города начинается с XIV века, когда здесь было основано первое поселение новгородцев. Называлось оно Усть-Онегой или Устьянской волостью. Некогда, как и соседние поморские селения, принадлежало оно Марфе Борецкой, новгородской посаднице. В XVII веке волость была пожалована основанному на Кий-острове Крестному монастырю и оставалась в его владении до 1764 года. В 1780 году указом Екатерины II Устьянежское селение было переименовано в уездный город Онегу. Своим возвышением от простого села до уездного центра город был обязан начавшимся лесным разработкам по берегам реки и открывшейся лесной торговле. С этих пор за городом Онегой сохраняется значение крупного лесозэкспортного порта на Севере.

Некогда в Устьянском селении были древние деревянные церкви, но страшный пожар 1786 года уничтожил их. Вместо сгоревших в начале XIX века были построены две каменные церкви, не представляющие большого интереса. Но один из замечательных памятников прошлого существует вблизи города — вышеупомянутый Крестный монастырь на Кий-острове.

От причала морского порта катер повезет нас навстречу открытому морю. Будут все дальше отходить в стороны берега реки, рабочие поселки и лесозаводы: вереницы катеров и лодок у причалов, гигантские штабеля бревен, стеллажи пиловочника, иностранные лесовозы под погрузкой. Позади Онега с ее беспокойной жизнью реки-труже-

ницы. Катер выходит в Онежскую губу и следует по фарватеру, обставленному большими морскими бакенами.

Пятнадцать километров от города до острова. В хорошую погоду остров виден издали: среди спокойных вод он выделяется сплошной зеленой массой, над которой возвышается белая шапка купола монастырского собора. Если вы попадете в отлив, катер бросит якорь на рейде и к берегу придется съезжать на лодке; если в прилив, то катер пристанет прямо к гранитным камням острова.

Первое впечатление — полной необычности, несравнимости с дотоле виденным. Та небольшая кучка монастырских зданий, которые вы увидели на подходе к острову, исчезла, скрылась за деревьями и скалами, едва вы ступили на берег. Вы попали на маленький островок, сплошь состоящий из причудливых скальных масс, из нагромождения гранитных плит, угрюмых, замшелых. В расселинах скал за многие века скопилась скудная почва, из которой, каким-то чудом укоренившись, выросли сосны, густой хвойной массой покрывшие весь остров. Удивительны эти сосны, столетние, двухсотлетние, с могучими коряжистыми стволами, с искривленными сучьями, корнями-щупальцами, обвившими камни. Под ними осыпавшиеся иглы и светло-зеленый мох. Сквозь стены красных стволов просвечивает окружающее со всех сторон море.

Прир.зд. Кий-острова — первая и чудесная его достопримечательность. Она позволяет понять как особенности архитектуры монастыря, так и сам замысел основать здесь монастырь.

Замысел этот принадлежал всесильному патриарху Никону. В 1639 году, будучи соловецким иеромонахом, он плыл с Анзер к устью Онеги «и во время то от великого морского волнения едва не потопихомся; но, уповающе на силу божественного животворящего креста, спасение получихом перед Онежским устьем, к пристанищу, к Кию острову... Будуще же тогда на том острове, на воспоминание того своего спасения водрузихом на том месте святыи и животворящий крест» — так говорит об этом событии сам Никон в грамоте об основании монастыря.

В 1652 году Никон, уже патриарх, ездил на Соловки для перенесения в Москву чудотворных мощей Филиппа митрополита. Никону, безусловно, был близок по духу этот деятель эпохи Грозного, церковный иерарх, не смирившийся перед государственной властью. На возвратном пути Никон решил заехать на тот самый остров, где некогда спасся от бури. Остров был по-прежнему пустынный, и все еще стоял крест, поставленный им в память

своего спасения. Тогда же возникло у Никона помышление создать на острове монастырь в честь креста, «но время не бе, еже начати сие добре созидание».

Летом 1656 года по ходатайству патриарха царь дал грамоту о построении нового монастыря на Белом море. «А тот де остров пуст и ничьих никаких угодий на нем нет, и быть тут жилецким людям нельзя, потому что на том месте все камень голой»,— говорилось в грамоте, а также отмечалось и то, что на острове «мнози... от морского потопления спасаются».

Следом за царской грамотой Никон обратился со своей грамотой к духовенству, «к благородным боярам и всем всякого чина и возраста православным христианам», где извещает о своем патриаршем решении основать монастырь «на Кий острове, иже есть на мори пред Онежским устьем, и церковь создати, и братию совокупити, и именовати той святой монастырь, гречески Ставрос, еже есть словенски Крест». По обычаю того времени, решение о создании монастыря подкрепляется довольно пространными богословскими доводами, а заканчивается грамота просьбой жертвовать на монастырь «елико от благого усердия кто хочет».

На остров был направлен старец Нифонт с целью снять чертеж, «где монастырю пристойно быть на какове месте». Вскоре начались и строительные работы. Из описи монастыря от 30 марта 1657 года явствует, что Воздвиженский собор уже был отстроен и в нем установлен кипарисовый крест, присланный Никоном. Собор и другие строения были деревянными. Строительство продолжалось и в последующие годы. Был назначен первый архимандрит монастыря.

Тем временем в русской церкви произошли немалые события: Никон добровольно покинул патриарший престол. Это был вызов государственной власти со стороны властного иерарха, считавшего, что «священство царства преболе есть». Отстранившись от дел государственных, Никон уделяет больше внимания трем своим любимым детищам: монастырю Иверскому на Валдае, Ново-Иерусалимскому Воскресенскому, своей главной резиденции, и новоявленному на Белом море. Наверное, уединенная обитель на скалистом острове была мила сердцу этого сурового человека. И не потому только, что здесь он спасся от бури. Никон был монахом, человеком своего времени; представление о пустыни, «уединенном житии» как идеале созерцательной духовной жизни значили для него, бесспорно, многое.

В 1660 году Никон в третий и последний раз приехал на Кий-остров. С собой он привез не только колокола и необходимую церковную утварь, привез и мастеров каменных дел.

Все основные работы по возведению трех каменных зданий — храма, трапезной и надкладезной церкви — были завершены во время пребывания Никона на острове — столь бурный размах строительства вполне соответствует кипучей натуре «богатыря-патриарха» (как назвал его историк С.М.Соловьев). Автор жития Никона свидетельствует о его пребывании на Кий-острове: «И тамо поживе мало не годишное время и сотвориша вновь соборную церковь велику каменную во имя Воздвижения», а также «ископаша кладезь великий из камени дикого, и на том кладези построиша церковь каменную... по сем и иная строяше многая в том монастыре Крестном...»

Ансамбль монастыря, созданный при Никоне, сохранился до наших дней, хотя и со значительными утратами.

Монастырь расположен в южной оконечности острова. Здесь было выбрано наиболее ровное возвышенное место. Западные фасады зданий смотрят на море, алтарные части церквей выходят на монастырскую площадь. Здания собора, трапезной и надкладезной церкви стоят в тесном единении друг с другом, их стены сложены из гранитных глыб,— в сочетании с окружающими скалами создается впечатление единого монолита, вросшего в камень.

На самой высокой точке острова поставлен соборный храм. Природным цоколем ему служит обрывистая гранитная скала. Облик собора тяжеловесен и грузен, он прекрасно соответствует природному окружению. Это почти куб со стенами, скошенными внутрь. Нижняя часть его, примерно до половины высоты, сложена из тесаного белого камня, создавая как бы постамент для верхней части. В верхней части стены собора сложены так называемой «смешанной кладкой» — из гранитных глыб вперемежку с большемерным кирпичом. Венчает каменную массу огромный восьмерик барабана с куполом — диаметром примерно в половину длины стен собора.

Эта глава — первое, что видишь, подплывая к острову, — одиноко возвышается над соснами. Она еще более увеличивает ощущение суровой грузности собора. Благодаря столь широкому барабану четыре несущие его столба расставлены широко, боковые же нефы, напротив, узкие. Уникальная деталь интерьера — хоры с двумя закрытыми камерами-приделами. Хоры, видимо, построены были для самого Никона.

*Воздвиженский собор
Кийостровского монастыря.
1660 г.*

До сих пор остается нерешенным вопрос о покрытии. Считалось, что четырехскатное покрытие, как и трехглавое завершение (прежде собор был трехглавым, в настоящее время сохранилась одна центральная глава), было изначальным, однако ныне на сводах западной части собора найдены следы каких-то сооружений. Однако вряд ли собор был пятиглавым. Возможно, на кровле была устроена смотровая вышка, позволяющая с высоты озирать море. Лестница на своды находится в стене северо-западного угла собора.

При всем различии в облике собора Кийостровского монастыря есть общее с Соловецким Преображенским — те же скупые, лапидарные формы, простая гладь стен, члененная лопатками, скупость архитектурных деталей, восьмигранная форма центрального барабана.

Действительно, формы Воздвиженского собора крайне просты, декор сведен до предела. Фасад членится тремя лопатками, усиливающими вертикальный акцент здания.

Все три фасада имеют порталы простой формы, в виде чередующихся четвертей и полуовалов. В верхнем ярусе стен — окна, по одному в каждом прясле. Окна оформлены простыми колонками, соединенными вверху полуваликом архивольты. Апсиды собора выступают из восточной стены волнистой линией, средняя из них несколько выше и крупнее, над ней поставлена главка. Поскольку гранитная плита, на которой стоит собор, склонена к востоку, апсиды поставлены на цоколе, сложенном из отесанных квадратных гранитных глыб.

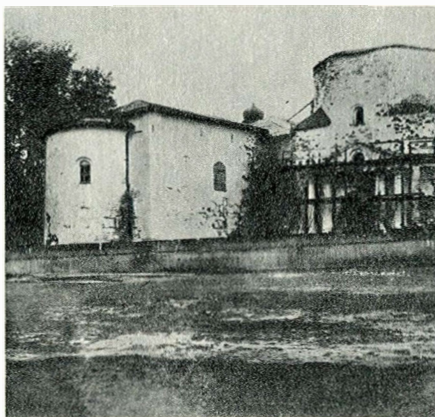
Профессор М.А.Ильин называет предположительное имя строителя Воздвиженского собора и всего монастырского комплекса. Им мог быть «каменных дел подмастерье» Аверкий Мокеев, строивший для Никона Валдайский Иверский монастырь.

С южной стороны к собору близко подходит здание трапезной. Суров и впечатляющ ее западный фасад, выходящий на море. Сложенный из дикого камня, из огромных глыб, он выглядит крепостным бастионом. Понизу он срезан скалой, отчего трапезная кажется вросшей в толщу гранита (нижний этаж ее врублен в скалу).

Напротив, южный фасад имеет жилой вид, хотя и здесь та же грузная толща стен, смешанная кладка с эффектно выделяющимися блоками гранита. Значительно оживляют фасад оконные проемы верхнего этажа — окна трапезной и келарской палаты, широкий и глубокий проем парадного входа, откуда лестница ведет наверх. Фасад гладкий, в промежутках между окон — лопатки, углы обработаны пилястрами.

С востока к трапезной примыкает церковь Рождества Богородицы. Она выступает на монастырскую площадь своими простыми и предельно четкими объемами: куб храма и высокая цилиндрическая апсида, доходящая до кровли. Трапезная церковь имеет строгое, но эффектное выражение: белая гладь стен, сочетание простых геометрических объемов, четкие вертикальные линии.

Внутри здания наиболее интересна сама трапезная палата. Она квадратная (15х15 м), перекрыта крестовым сводом, поддерживаемым мощным столбом (наподобие трапезной Соловецкого монастыря и ряда других). Впечатляют глубокие оконные проемы в полутораметровой толще стен. Четыре широких и высоких окна трапезной палаты, обращенные на юг, обеспечивают хорошую освещенность. Внизу под трапезной палатой находится такого же размера хозяйственное помещение, тоже поддерживаемое мощным столбом, несколько более приземистым.

*Церковь Рождества
Богородицы. 1660 г.*

К северо-восточному углу трапезной примыкает колокольня, несколько грузная, как и все монастырские строения (ныне шатровый верх ее разобран). В позднее время вход под колокольню был оформлен классическим портиком с колоннами. С северной стороны к колокольне, ближе к собору, в конце XVII века была пристроена каменная «палатка» — усыпальница монастырских настоятелей.

Третье каменное здание, построенное во время пребывания Никона на острове, — Надкладезная церковь. По преданию, источник — единственный на скалистом острове — был открыт самим патриархом («построен же без той кладезь молитвами и трудами самого святейшего патриарха», — говорится в житии Никона).

Надкладезная церковь невелика и проста по форме — невысокий прямоугольник храма и выступающая приземистая пятигранная апсида. В стену апсиды вмурован каменный крест — такой крест назывался «закладным». Надпись на кресте сообщает, что храм освящен Никоном

«Закладной крест»
в стене апсиды
надкладезной церкви.
1660 г.

1660 года августа в первый день. Такой же крест обнаружен и внутри храма.

Кельи были пристроены к надкладезной церкви позже, в конце XVII столетия. Нижний этаж, предназначавшийся для хозяйственных нужд, сложен из гранитных блоков, верхний из большемерного кирпича. Верхний этаж келий традиционен для монастырских зданий такого рода в XVII веке: узкие оконные проемы, скромно обработанные каменными наличниками, простенькая полоска косо поставленных квадратов по карнизу,— для всех зданий Кий-острова характерны простота и сдержанность, аскетизм облика.

Своим северо-восточным углом кельи близко подходят к юго-западному углу трапезной, так что между ними остается небольшая проход, нечто вроде внутреннего дворика. Здесь по углу здания келий размещаются два каменных крыльца, поблизости от входа в нижний этаж трапезной. Вход в кельи как бы скрыт от сурового дыхания моря.

*Сохранившаяся часть
деревянной ограды
монастыря*

Все три главных здания Крестного монастыря — собор, трапезная, кельи — образуют монументальный ансамбль, объединенный единством облика и средств выражения, нерасторжимо связанный с природным окружением. Ансамбль имеет уступчатый план: ближе других зданий выдается к морю корпус келий. Планировка всецело обусловлена особенностями рельефа. Собор, как мы отмечали, стоит на самой высокой скале. Спад скалы как бы сдержан монолитом трапезной, плавно сводящим уклон к ровной площадке. Пространственно замыкает ансамбль здание келий.

Суровым и величественным смотрится ансамбль со стороны моря. В этом месте стена сосен расступилась и открылся вид на его здания. Как в северных деревнях все — окрестные леса, избы, церквушки — сводилось к единому природному творению — дереву, так здесь все сведено к камню. Это монастырь у северного моря, и это выражено в его постройках со стенами, как у крепост-

ных фортов. Под скалами рокочет прибой, по небольшому песчаному пляжу расхаживают крупные морские чайки...

С противоположной, восточной стороны, за зданиями, которые закрыли собой море,— монастырский дворик. Ровная зеленая лужайка, растут лиственные деревья, возле домов разбиты цветники и огороды — на первый взгляд кажется, что монастырь ничем не отличается от таких же небольших северных обителей...

У монастыря не было каменных стен, его стены созданы самой природой — скалы острова. Прежде была простая невысокая деревянная ограда. Сейчас от нее сохранился только юго-западный угол с башенкой, крытой четырехскатным шатром, она живописно рисуется среди сосен. Из деревянных монастырских строений сохранились также кельи и настоятельские покои XIX века и в стороне, за монастырем, кладбищенская часовня, ныне перестроенная.

По местной легенде, патриарх Никон, попав впервые на остров, будто бы спросил: «Кий остров?» (то есть «какой остров?»). Конечно легенда эта недостоверна: остров назывался так и до Никона. Но эти легендарные слова хочется перевести в восклицание: «Кий остров!» — «Какой остров!»

Достоин удивления и уважения труд людей, создавших здесь, на голом камне, не только монументальные здания, но и весь жилой облик острова. По сохраняющемуся среди онежских старожилов преданию, первые монахи каждый везли с собой по мешку земли... На Кий-острове длиной в два километра и шириной до полукилометра все в миниатюре: небольшие огородики, болотистый лужок, есть даже маленькое озерко для разведения карасей, любимой монашеской рыбки...

Восточный берег под монастырем выходит на небольшой залив, обсыхающий в отлив. Если перейти залив, то выйдешь на каменистую луду, длинным узким языком уходящую в море. В XVIII веке на этом мысу помещались здания таможи, лесной конторы. Здесь прежде находился Онежский порт, на бере Кий-острова делали стоянку суда. До сих пор сохранились вбитые в гранит огромные железные кольца для швартовки судов.

Обитаемой была только южная часть острова. Дальше к северу по берегу можно встретить только рыбацкие избушки. Когда-то у монастыря были здесь тони. Множество дорожек и тропок, усыпанных хвоей, перевитых корнями сосен, пересекают остров во всех направлениях.

Можно идти по ним все дальше: скроются монастырские здания, шум сосен и моря покроет голос радиорепродуктора из дома отдыха. Дорога приведет к «перейме» — своеобразному ущелью между скал, заливаемому в прилив. В северной части острова мало кто бывает, здесь глушь и пустыньность. Низины острова заросли сырым кустарником, в котором полыхают алые грозди рябины, дрозды трещат слетают с веток... На скалах, наверху, стоят величественные сосны. Здесь вторая высшая точка острова, где поставлена тригонометрическая вышка. Если забраться на эту вышку, вид откроется бесподобный. Под вами, словно с высоты птичьего полета, море. Вон там, где виднеются трубы лесозавода, там наша Онега потерялась в морской бескрайности. В одну сторону пошел Летний берег, низкий и ровный, в другую — Зимний, возвышающийся вдали Ворзагорским мысом. И кругом — море, оно шумит внизу, идет прилив, волны накатываются на скалы, чайки кричат. Точечкой прочерчивает даль судно, идет в порт по «большой воде»... Виден весь остров в своих вытянутых очертаниях, сплошной зеленой массой возвышается он среди вечно волнующегося беспокойного моря и над зеленой равню его столетних сосновых крон богатырски возвышается белая сторожевая глава собора...

Наверное, так и надо, и прекрасно, что путешествие наше по реке мы закончили в море. Когда видишь такое — суровые здания, скалы и сосны, слушаешь шум ветра и гул прибора, — душой овладевают чувства величественные...

Да, таков он, Север, — прекрасный и величественный край, хранящий чудеснейшие памятники родного искусства в своих необъятных просторах.

И конечно он, Север, не даст забыть о себе, будет звать на новые «дороги к прекрасному»... И тут автору не остается ничего иного, как закончить свой рассказ старинным пожеланием: счастливого пути вам, читатель!

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Бартенев И., Федоров Б., Архитектурные памятники русского Севера, Л.—М., «Искусство», 1968.
- Грабарь И., История русского искусства, т. I, II, М., 1910—1911
- Дашков В., Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении, Спб., 1842.
- Евдокимов И.В., Север в истории русского искусства, Вологда, 1920.
- Забелин И.Е., Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве, М., 1900.
- Забелло С., Иванов В., Максимов П., Русское деревянное зодчество, М., 1942.
- Зверинский В.В., Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, ч. I—III, Спб. 1890—1897.
«Известия Археологической комиссии», вып. 41, Спб., 1911; вып. 52, Спб., 1914; вып. 57, Пг., 1915.
«История русского искусства», т. III, IV, М., Изд-во АН СССР, 1954—1955.
«Книга Большому Чертежу», М.—Л., 1950.
- Красовский М., Курс истории русской архитектуры, ч. I, Деревянное зодчество, Пг., 1916.
«Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии», вып. III, Архангельск, 1896.
- Маковецкий И.В., Памятники народного зодчества русского Севера, М., 1955.

- Маковецкий И.В., Архитектура русского народного жилища, М., 1962.
- Огородников Е.К., Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большому Чертежу, Спб., 1875.
- «Олонецкий сборник», вып. 1, 2, 3, Петрозаводск, 1884—1896.
- «Памятная книжка Олонецкой губернии», Спб., Петрозаводск, 1856—1869.
- Пушкарев И., Описание Олонецкой губернии. — «Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях», т. I, кн. III, Спб., 1843.
- Реформатская М. А., Северные письма, М., «Искусство», 1968.
- Смирнова Э. С., Живопись древней Руси (Находки и открытия), Л., 1970.
- Смирнова Э. С., Живопись Обонежья XIV—XVI веков, М., «Наука», 1967.
- Соломина В., Искусство древнего Севера. По залам музея, Архангельск, 1967.
- Суслов В.В., Очерки по истории древнерусского зодчества, Спб., 1889.
- Суслов В.В., Памятники древнего русского зодчества, вып. 1—7, Спб., 1895—1901.
- Суслов В.В., Путевые заметки о севере России и Норвегии, Спб., 1888.
- Шайжин Н., Сведения о церквах Олонецкой епархии, построенных ранее XIX века. — «Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества», т. V, М., 1911.

I КАРГОПОЛЬ

- Белозерский В.М., Каргополь. — «Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858 г.», Спб., 1858.
- Гемп К. П., Каргополь, Архангельск, 1968.
- Докучаев-Басков Ф. К., Каргополь, Архангельск, 1913.
- «Каргополь. Альбом», Вступительная статья А.Я.Каковкина, Л., «Искусство», 1971.
- Кораблев С.П., Этнографический и географический очерк г.Каргополя с словарем особенностей тамошнего наречия, М., 1851.

Овсянников О. В., Люди и города средневекового Севера, Архангельск, 1971.

Пятунин П., Каргопольщина в прошлом и настоящем, Каргополь, 1924.

Рудометов И. И., Каргопольский край, Каргополь, 1919.

2. КАРГОПОЛЬСКАЯ ГЛИНЯНАЯ ИГРУШКА

Арбат Ю., Путешествия за красотой, М., «Искусство», 1966.

3. ОКРЕСТНОСТИ КАРГОПОЛЯ.

4. ВЕРХНЯЯ ОНЕГА

Гунн Г., Онега впадает в Белое море, М., «Мысль», 1968.

Жданова Л., Андреев В., Мы идем по Каргополю, Рига, 1966.

Забелло С., Каргопольская экспедиция.— «Архитектурное наследие», 1955, № 5.

Никитин А., Цветок папоротника, М., «Мысль», 1972.

Шустиков А.А., По деревням Олонецкого края (Поездка в Каргопольский уезд), Вологда, 1915.

5. НИЖНЯЯ ОНЕГА

Токмаков И.Ф., Историко-статистическое и археологическое описание села Турчасово (Онежского у., Архангельской губ.) и его храмов с приходом, М., 1899.

6. КИЙ-ОСТРОВ

Алферова Г. В., К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона.— «Архитектурное наследие», М., 1969, №18.

Ильин М. А., Крестный монастырь на Кий-острове. — «Архитектурное наследие», М., 1962, № 14.

Корабле в С.П., Очерк нравоописательной этнографии г. Онеги, М., 1853.

Л а в р е н т и й, архимандрит. Краткое известие о Крестном Онежском Архангельской епархии монастыре, М., 1805.

Фотографии Ю. Д. Рыбакова и из фондов Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева.

ГЕНРИХ ПАВЛОВИЧ ГУНН

КАРГОПОЛЬЕ—ОНЕГА

Редактор И. А. КУРАТОВА

Оформление серии художника

Ю. К. КУРБАТОВА

Рисунки к карте художника

Ю. И. РАППОПОРТА

Художественные редакторы

Е. Е. СМИРНОВ, Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор

Г. П. ДАВИДОК

Корректор Т. В. КУДРЯВЦЕВА

Сдано в набор 29/1 1973 г. Подписано в печать 24/II 1973 г. А11332. Формат бумаги 70x90¹/₃₂. Бумага тифдручная. Усл. печ. л. 5,265. Уч.-изд. л. 6,697. Изд. № 989. Тираж 75 000 экз. Заказ 64. Фотонабор. Цена 47 коп. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, проспект Ленина, 5.

ПООНЕЖЬЕ — ЗЕМЛИ ПО БЕРЕГАМ РЕКИ ОНЕГИ —

С ПОЛНЫМ ОСНОВАНИЕМ ЗАСЛУЖИВАЕТ

НАЗВАНИЯ

«ЗАПОВЕДНИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ»,

МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ.

ПО ЧИСЛУ СОХРАНИВШИХСЯ

ПЕРВОКЛАССНЫХ ПАМЯТНИКОВ,

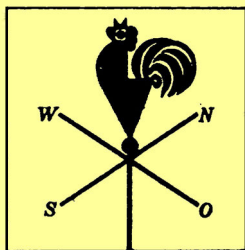
ПО НАСЫЩЕННОСТИ ИМИ

ОНЕГА НЕ ИМЕЕТ СЕБЕ РАВНЫХ

СРЕДИ ДРУГИХ РЕК СЕВЕРА.

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ